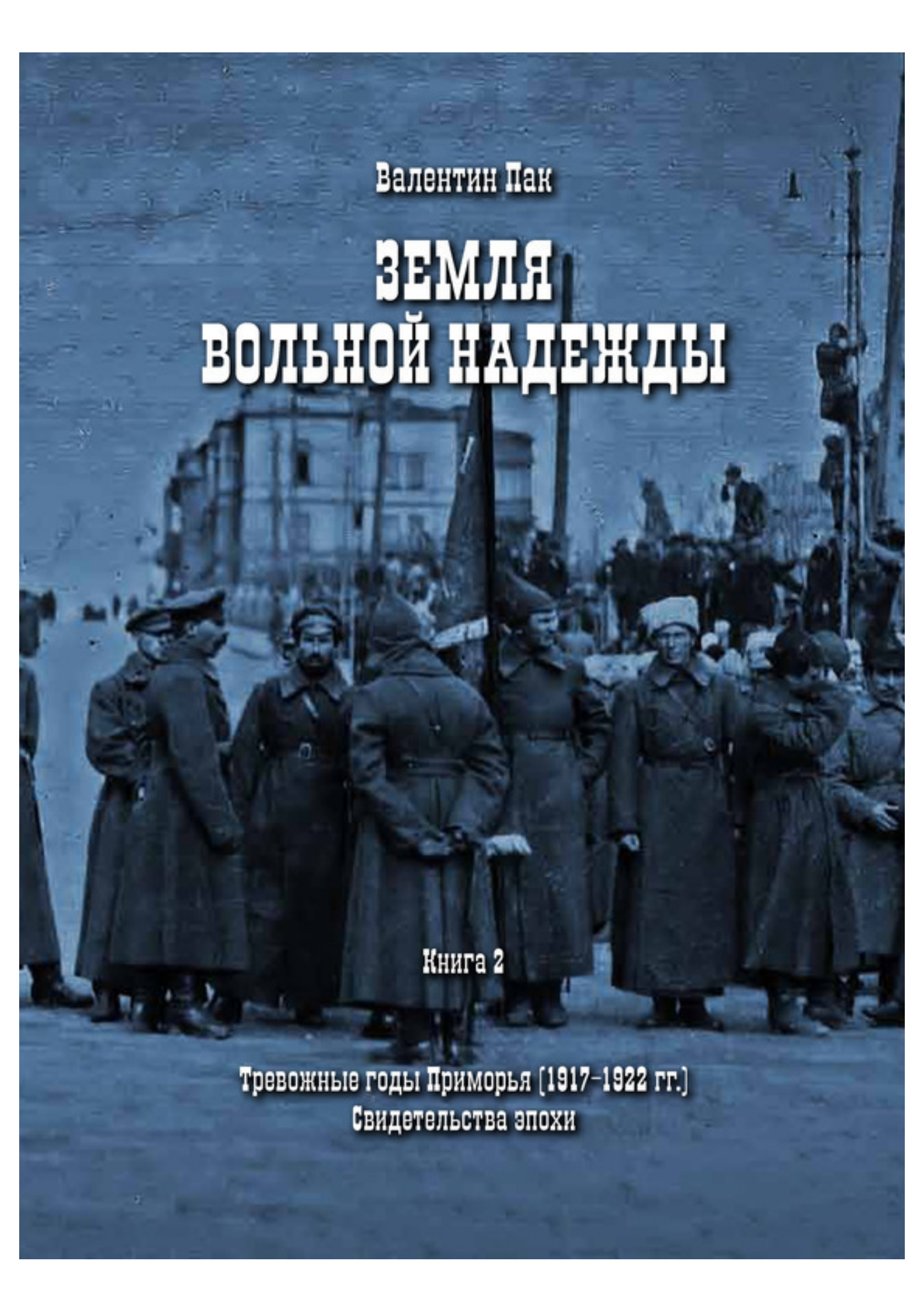

Валентин Пак

ЗЕМЛЯ ВОЛЬНОЙ НАДЕЖДЫ

Книга 2

Тревожные годы Приморья (1917–1922 гг.)
Свидетельства эпохи

Земля вольной надежды

Валентин Пак

**Тревожные годы
Приморья (1917-1922 гг.).
Свидетельства эпохи**

Издательство "Валентин"

2013

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

Пак В.

Тревожные годы Приморья (1917-1922 гг.). Свидетельства эпохи / В. Пак — Издательство "Валентин", 2013 — (Земля вольной надежды)

ISBN 978-5-906288-09-7

90 лет назад Дальний Восток был полностью освобождён от иностранных интервентов и так называемых «белогвардейцев». 25 октября 1922 года стало не столько победой «красных» над «белыми», как долгое время говорили историки, сколько днём обретения Россией независимости и свободы. Пять лет истории российского Приморья – с 1917-го по 1922-й – были, пожалуй, самыми событийными и трагическими. Об этом периоде написаны научные исследования, о нём рассказывают воспоминания красных партизан и большевиков, с одной стороны, и деятелей белогвардейского движения, а впоследствии – эмигрантов, с другой. Разумеется, они дают разную, порой резко противоположную оценку всему, что происходило тогда на Дальнем Востоке России. В книге дана попытка взглянуть на те далёкие события по возможности объективно, опираясь на документы.

УДК 94(571.6)
ББК 63.3

ISBN 978-5-906288-09-7

© Пак В., 2013

© Издательство "Валентин", 2013

Содержание

Год 1917	8
Свидетельства эпохи. 1917	17
Год 1918	22
Свидетельства эпохи. 1918	38
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валентин Пак

Земля вольной надежды. Книга 2. Тревожные годы Приморья (1917– 1922 гг.). Свидетельства эпохи

В книге использованы материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Архива внешней политики России Министерства иностранных дел РФ, Государственного архива Приморского края, Государственного архива Хабаровского края, Приморского государственного объединённого музея им. В.К. Арсеньева, Центра документации новейшей истории Иркутской области, Приморского отделения Русского географического общества – Общества изучения Амурского края, Уссурийского городского музея, из сети Интернет.

Слово от автора

90 лет назад российский Дальний Восток был полностью освобождён от иностранных интервентов и так называемых «белогвардейцев». 25 октября 1922 года стало не столько победой «красных» над «белыми», как долгое время говорили историки, сколько днём обретения новой Россией независимости и свободы. Предыдущие пять лет истории российского Приморья – с 1917-го по 1922-й – были, пожалуй, самыми событийными и трагическими. Отчасти потому что здесь, на дальней окраине страны, власть переходила из рук в руки рекордное количество раз, а количество «правительств» и «атаманов» различного толка даже не поддаётся точному исчислению. Не будем забывать, что несколько лет на нашей земле находились и войска интервентов десятка стран, которые преследовали свои цели, далёкие от российских интересов...

Как бы то ни было, дальневосточная пятилетка Гражданской войны и интервенции завершилась 25 октября 1922 года, и её итоги были трагическими. В ожесточённых боях, от ран и болезней с той и другой стороны погибло около 80 тысяч человек, за границу эмигрировали сотни тысяч людей. Основная масса российских эмигрантов с Дальнего Востока – около 150 тысяч человек – оказалась в Китае, некоторые из них навсегда расстались с родиной...

Известный писатель Иван Бунин дал своим дневникам периода Гражданской войны горькое и ёмкое название – «Окаянные дни». Такими они были с точки зрения русского интеллигента, другие свидетели происходивших событий наверняка имели иной взгляд. Геройство и храбрость проявляли обе стороны, каждая из которых боролась за свои идеалы, за то будущее России, которое им представлялось правильным...

Об этом периоде написаны документальные книги и научные исследования, о нём рассказывают воспоминания бывших красных партизан и большевиков, с одной стороны, и деятелей белогвардейского движения, а впоследствии – эмигрантов, с другой. Разумеется, они дают разную, порой принципиально противоположную оценку всему, что происходило тогда на Дальнем Востоке России. Попытаемся взглянуть на те далёкие события по возможности объективно, опираясь на подлинные документы, которые сохранились в архивах и музеях, и мемуары современников.

Валентин Пак,

Почетный гражданин Надеждинского района,

председатель Думы Надеждинского муниципального района Приморского края

Год 1917

В конце февраля 1917 года в очередной раз прервалась телеграфная связь Владивостока с центром, и весть об отречении Николая II от престола пришла в Приморье только 3 марта 1917 года. В тот же день состоялось торжественное заседание Владивостокской городской думы, на котором городской голова И.А. Ющенко доложил о событиях в столице. Был избран Комитет общественной безопасности (КОБ) под руководством И.А. Ющенко и принято воззвание от имени гордумы, начинающееся словами: «Свершилось величайшее событие в жизни Русского народа. Над избавленной Россией восходит солнце свободы, правды и справедливости. Правительство, веками угнетавшее народ, отошло в вечность». Далее всех призывали сохранять спокойствие и работать во имя победы (продолжалась война с Германией).

Владивостокская городская дума выдвинула в состав КОБа 10 своих представителей, в КОВ вошли также представители торгово-промышленных объединений города, биржевого комитета, от штаба войск гарнизона. За несколько дней Владивостокский КОВ расширился до двух сотен человек. Параллельно в городе шло создание иной, новой власти в форме Совета депутатов. 3 марта 1917 года по инициативе Общества народных чтений в Народном доме состоялся митинг, на котором было решено образовать Совет рабочих депутатов. Избранная на митинге комиссия обратилась к коллективам предприятий и учреждений города с предложением выдвигать своих представителей. 4 марта 1917 года во Владивостоке был избран первый Совет рабочих депутатов, в который фактически вошли и делегаты от воинских частей армии и флота. Председателем президиума исполкома стал депутат от военных большевик С.М. Гольдбрех (впрочем, в июне того же года он уже числился меньшевиком). Товарищами (заместителями) председателя были избраны К.А. Суханов, С.М. Королев (социал-демократы), В.К. Выхристов и А.И. Саратовский (эсеры).

Сожаления о внезапно ушедшем в прошлое самодержавии никто не высказал. Военный губернатор доложил: «Действую солидарно с городской думой и ожидаю распоряжений Временного Правительства». Окружной суд и прокурорский надзор заявили, что «приветствуют Временное Правительство и на заре суда народной совести и свободной прокуратуры свидетельствуют свою полную готовность всеми силами служить на славу и благо дорогой родины». Бывшие царские чиновники из Приморского областного правления единогласно выразили «чувства высокого воодушевления и живейшей радости по случаю совершившегося Государственного переворота и освобождения закрепощенного народа». Старая администрация пока оставалась на своих постах, продолжала исполнять свои обязанности полиция и даже жандармерия.

Во Владивостоке сложилась тревожная ситуация двоевластия между Советом рабочих и военных депутатов и Комитетом общественной безопасности. Председатель КОБа И.А. Ющенко Временным правительством был назначен комиссаром Приморской области, 9 марта 1917 года КОВ постановил считать себя органом власти области с подчинением ему аппарата администрации бывшего военного губернатора. Владивостокский Совет выступил с требованием распустить КОВ и избрать его на новой основе: 10 членов от городской думы, 25 – от Совета рабочих и военных депутатов и 25 – от общественных организаций. Старому КОБу пришлось уступить, его новый состав был сформирован 27 марта 1917 года. Председателем исполкома КОБа стал присяжный поверенный М.Н. Вознесенский, исполняющим обязанности начальника милиции – штабс-капитан Сибирского флотского экипажа П.И. Калинин.

5 марта 1917 года в Хабаровске были арестованы Н.Л. Гондатти, генерал-губернатор Приамурского края, и генерал А.Н. Нищенков, командующий войсками Приамурского воен-

ного округа. Во Владивостоке Д.П.Пантелеев, издатель газеты «Далекая Окраина», с помощью студентов Восточного Института конфисковал документы охранного отделения... Эти же студенты, избрав из своих рядов комиссара, решили «примкнуть к милиции, работать в единении с местными рабочими и военными организациями».

10 марта 1917 года во Владивостоке состоялось первое организационное собрание социал-демократов, на котором присутствовало 20 человек. Был избран временный комитет, председателем которого стал большевик А.Г. Антонов, в мае его сменил А.Я. Нейбут. Тогда же, в марте, сформировалась социал-революционная организация Владивостока, городской комитет эсеров возглавил В.К. Выхристов.

11-13 марта 1917 года в Никольск-Уссурийске на съезде казаков Уссурийского казачьего войска был отстранён от власти наказной атаман (военный губернатор Приморской области, генерал Толмачев), упразднено прежнее Войсковое правление и избран исполнительный комитет в составе 12 человек. Председателем комитета и исполняющим обязанности войскового атамана стал есаул Н.Л. Попов. Съезд также высказался за упразднение казачьего войска и уравнивание казаков с крестьянами. 5–9 апреля 1917 года в Никольск-Уссурийске был проведён новый казачий съезд, который на это раз выступил против упразднения войска, атаманом вновь был избран Н.Л. Попов.

Офицеры Российской армии. Из фондов УГМ

В начале апреля 1917 года сторонники партии Народной свободы (кадетов) создали во Владивостоке Союз свободной России. В его совет вошли биржевики И.И. Циммерман, А.И. Булгаков, Е.Н. Гезехус, присяжный поверенный М.Н. Вознесенский. Председателем Совета союза стал крупный промышленник М.Н. Протопопов. В Никольск-Уссурийске городской

комитет партии кадетов возглавил П.М. Гладков, председателем областного комитета во Владивостоке был избран И.А. Фихман. Летом 1917 года стала выходить газета «Голос Приморья» – орган Приморского областного отделения партии Народной свободы.

Началось возвращение в Россию из-за границы политических эмигрантов, в предыдущие годы вынужденных покинуть страну из-за преследований. Через Владивосток в мае-июне 1917 года вернулось более 800 человек – в основном социал-демократы, эсеры и анархисты, многие из них оставались на Дальнем Востоке. 18 апреля (1 мая) 1917 года вышел в свет первый номер газеты «Красное Знамя», печатного органа Владивостокского комитета РСДРП. 19 мая 1917 года на общегородском собрании социал-демократов Владивостока председателем комитета был избран большевик А.Я. Нейбут, ставший редактором газеты «Красное Знамя», секретарём – меньшевик-интернационалист К.А. Суханов, с осени 1917 года перешедший на большевистские позиции.

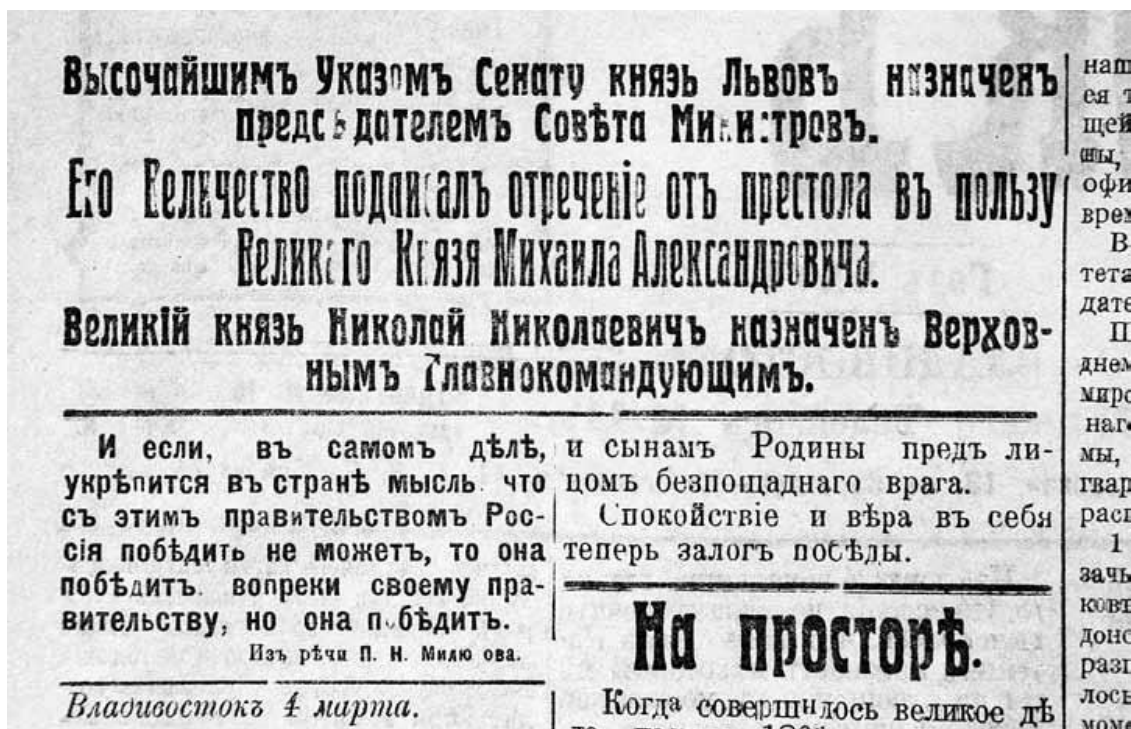
Общая политическая обстановка оставалась нестабильной. Формальная власть в крае с 8 марта 1917 года принадлежала краевому комиссару А.Н. Русанову, депутату IV Государственной думы, назначенному Временным правительством, в городах в его поддержку действовали КОБы. В сельской местности возникали сельские и волостные крестьянские комитеты, в некоторых населенных пунктах также именовавшиеся Комитетами общественной безопасности. В это же время активно (и зачастую стихийно) на местах создавались новые органы революционной власти – Советы. 21–24 мая 1917 года в Никольск-Уссурийске был созван первый областной съезд крестьянских депутатов, на который были также приглашены представители казачьего населения. Делегаты съезда высказались за организацию Крестьянского союза, для чего был избран Приморский областной совет крестьянских депутатов во главе с эсером Н.Л. Назаренко.

На I-м съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока (Владивосток, май 1917 года) было принято решение избрать Краевой комитет Советов. Имеющиеся к тому времени дальневосточные Советы должны были выделить в его состав своих депутатов, местом пребывания комитета был определён г. Хабаровск. 16 июня 1917 года при наличии 12 его членов, прибывших в Хабаровск, Краевой комитет начал работать. Вначале его возглавлял солдат Л.Е. Герасимов, представитель Владивостокского Совета (единственный большевик в составе комитета), с августа, после II-го краевого съезда Советов, – меньшевик-интернационалист Н.А. Бакулин. В административные учреждения и крупные воинские части от Краевого комитета Советов были назначены комиссары. При этом комитет действовал на правах общественной организации, поскольку дальневосточный комиссар А.Н. Русанов отказывался признавать его в качестве органа власти.

29 августа 1917 года на имя А.Н. Русанова поступила телеграмма за подписью председателя правительства А.Ф. Керенского о попытке мятежа генерала Л.Г. Корнилова с предложением поддержать Временное правительство. В тот же день состоялось расширенное заседание Владивостокского Совета с участием членов областного Совета крестьянских депутатов, представителей городской думы и управы, общественных организаций, на котором было одобрено предложение о переходе всей политической власти в городе и его окрестностях к Советам.

Был сформирован Объединённый исполнительный комитет (ОИК), в который вошли члены исполкома Владивостокского Совета, исполнительного бюро Совета крестьянских депутатов Приморской области, представители городской думы и управы, профсоюзов, Военной комиссии Владивостокского Совета, Центрального комитета Сибирской флотилии, всех социалистических партий, областного исполнительного комитета КОБов. Председателем ОИК был утверждён эсер С.Н. Михайлов, его заместителем – меньшевик-интернационалист К.А. Суханов, секретарём – эсерка М.А. Илговская.

29 августа 1917 года приказом № 1 ОИК объявил о взятии всей власти в свои руки, были приняты меры по обеспечению общественного порядка, установлен контроль над работой милиции, создана комиссия по контролю за производством. Для тех же целей в Никольск-Уссурийский был направлен вернувшийся из США эмигрант-большевик А.М. Краснощев, который вскоре возглавил городской комитет РСДРП (б). Именно он впоследствии стал одним из организаторов демократической Дальневосточной Республики (ДВР) – так называемого «красного буфера».

Фрагмент газеты «Дальний Восток» от 5 марта 1917 г. Из архива ОИАК

5-7 сентября 1917 года в Никольск-Уссурийске состоялась II краевая конференция РСДРП, на которой в докладе о текущем моменте А.Я. Нейбут заявил: «После 27 августа у нас не может быть двух мнений об источнике власти. Выход только один – вся власть должна перейти в руки революционной демократии...». В резолюции конференции была поставлена задача превращения Советов в органы государственной власти по всему краю. На этой же конференции большевики окончательно размежевались с меньшевиками.

9 сентября 1917 года на заседании Владивостокского Совета А.Я. Нейбут зачитал текст Декларации, содержащей программу революционно-демократических преобразований всей деятельности Советов. Она была принята как основа деятельности Объединённого исполнительного комитета, но в то же время ОИК признавал Временное правительство, и Владивосток оставался частью существовавшей административной и финансово-экономической системы России. Этому примеру последовал только Сучанский Совет, 29 августа взявший на себя функции органа власти.

Н.А. Гондатти, последний генерал-губернатор Приамурского края. Из архива ОИАК

5-7 октября 1917 года во Владивостоке прошла II краевая Дальневосточная конференция РСДРП (б), на которой присутствовало 15 делегатов. Её решения были направлены на завоевание власти Советами, утверждена большевистская платформа к выборам в Учредительное собрание, утверждены 7 кандидатов на выборы: А.Я. Нейбут, П.М. Никифоров, Н.М. Любарский, К.А. Суханов, В.Г. Антонов, С.Я. Гиллерсон, Ф.Н. Сюткин. Владивостокскому городскому комитету было поручено выполнять функции краевого бюро дальневосточных организаций РСДРП (б), газета «Красное Знамя» была утверждена печатным органом краевого бюро.

В начале октября 1917 года Приморский областной комиссар Временного правительства А.Ф. Милеев на основании приказа А.Ф. Керенского о роспуске революционных организаций, возникших в связи с мятежом генерала Корнилова, поставил вопрос о прекращении деятельности Объединённого исполнительного комитета Владивостокского Совета. По настоянию большевиков ОИК не подчинился этим требованиям, но исполнительное бюро крестьянского Совета Приморской области приняло решение отозвать из ОИК своих представителей. В связи с этим председатель ОИК эсер С.Н. Михайлов сложил свои полномочия. На заседании ОИК 18 октября 1917 года был создан новый, временный президиум, который возглавил А.П. Алютин.

Как известно, 25 октября 1917 года в результате вооружённого восстания в Петрограде Временное правительство было свергнуто, и власть в России перешла в руки Военно-Революционного комитета Петроградского Совета. II Всероссийский съезд Советов избрал Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) и образовал правительство – Совет Народных Комиссаров (СНК). Однако действовавший приказ министра юстиции требовал от всех почтово-телеграфных отделений России задерживать сообщения, призывающие к свержению Временного правительства и неисполнению его распоряжений.

Поэтому первоначальные, очень неполные сведения об октябрьских событиях в Петрограде пришли в Приморье 26 октября 1917 года. В это время (20–26 октября) во Владивостоке проходил I съезд профсоюзов Дальнего Востока, делегаты которого были представителями различных политических партий. Председателем президиума съезда был избран большевик С.Я. Гросман, его заместителем – А.М. Краснощеков. Сообщения из Петрограда обострили полемику на съезде, который призвал все профсоюзы теснее сплотиться вокруг Советов и принял приветствие II Всероссийскому съезду Советов. О том, что в России

уже наступили советские времена, во Владивостоке и на Дальнем Востоке в целом ещё не знали...

Константин Суханов при поступлении в Санкт-Петербургский университет, г. Владивосток. МПК 8930-8. Ф. 11585

3 ноября 1917 года газета «Красное Знамя» в передовой статье известила читателей о свержении Временного правительства, а 7 ноября было опубликовано первое сообщение о создании СНК. В этот же день, 7 ноября 1917 года, на страницах газеты «Известия Владивостокского Совета» была опубликована телеграмма делегата II Всероссийского съезда Советов Ф.И. Бугаева о победе вооружённого восстания в Петрограде. 8 ноября 1917 года власть Совета Народных Комиссаров признали Владивостокский, Никольск-Уссурийский и Сучанский Советы. Владивостокский Совет возглавил вначале А.Я. Нейбут, с декабря 1917 года – К. А. Суханов, Никольск-Уссурийский – А.М. Краснощеков (все – большевики), Сучанский – левый эсер З.Н. Мартынов.

Что касается обстановки в целом, то руководство многих местных Советов, организаций городского самоуправления, крестьянских Советов, правлений казачьих войск и даже Краевой комитет Советов не приняли власть СНК или признавали её только до момента созыва Всероссийского Учредительного собрания. В ноябре 1917 года в Приморской области вопросы власти решали несколько сторон, главными из которых были: Владивостокский Совет рабочих и солдатских депутатов, областной комиссар Временного правительства А.Ф. Милеев, областной крестьянский Совет и правление Уссурийского казачьего войска.

5 ноября 1917 года состоялись перевыборы исполкома Владивостокского Совета. В новый состав вошли 18 большевиков, 11 эсеров, 8 беспартийных и 3 меньшевика, председателем исполкома избрали А.Я. Нейбута. 8 ноября на заседании Совета было принято решение о создании Красной гвардии, 11 ноября – выражена поддержка петроградскому пролетариату, свергнувшему Временное правительство, и подтверждено требование перехода всей власти в России к Советам. 16 ноября на заседании Объединённого исполкома Владивосток-

ского Совета было принято решение о проведение в жизнь всех постановлений Советской власти и о необходимости созыва III краевого съезда Советов.

18 ноября 1917 года эти решения были утверждены на пленарном заседании Совета, то есть во Владивостоке была официально провозглашена Советская власть. При этом подчёркивалось, что власть должна быть «однородной социалистической», и Советы рассматривались как многопартийные по составу. Постановлением исполкома от 29 ноября 1917 года все учреждения и ведомства Владивостока были подчинены Совету и Объединённому исполнительному комитету. В ответ на это в городе начались забастовки служащих банков, различных контор, типографий. 8 декабря 1917 года исполком Владивостокского Совета для борьбы с саботажниками создал Военно-революционный комитет.

С 16 декабря 1917 года по всему Дальневосточному краю проходили выборы в Учредительное собрание. Всего в голосовании приняли участие 212 тысяч избирателей. В результате выборов большевики, проходившие по списку № 5, во Владивостоке получили 49 % голосов, в Никольск-Уссурийске – 40 %, в среднем по всем городам – 36 %, а по всему краю 54660 голосов. В Учредительное собрание были избраны А.Я. Нейбут и С.И. Гиллерсон. После проведения выборов Советы вернулись к своим повседневным делам, пытаясь организовать нормальную жизнь в крае.

Унтер-офицер Никольск-Уссурайского гарнизона. Из фондов УГМ

Газета «Голос Приморья» № 1, 18 декабря 1917 г. Из архива ОИАК

В то же время многие актуальные вопросы жизни Дальнего Востока решались через аппарат краевого управления, во главе которого продолжал оставаться комиссар бывшего Временного правительства А.Н. Русанов, не признавший СНК. Краевой комитет Советов во главе с меньшевиком Н.А. Бакулиным не решился отстранить его от власти. По требованию Владивостокского, Никольск-Уссурийского и других Советов Приморской области Краевой комитет назначил проведение III краевого съезда Советов на 12 декабря 1917 года.

Однако накануне съезда Советов, 11 декабря, А.Н. Русанов решил провести в Хабаровске съезд представителей органов земских и городских самоуправлений. На него прибыло всего 9 делегатов: от Амурской областной земской управы, Амурского казачьего войскового правления, Иманского и Никольск-Уссурийского уездных земств, Иманской и Никольск-Уссурийской городских управ, Хабаровской городской думы и Хабаровской уездной земской управы. Съезд открылся около полуночи 11 декабря в кабинете А.Н. Русанова. На нём было образовано Временное Краевое бюро земств и городов Дальнего Востока, которому А.Н. Русанов официально передал власть в крае.

Таким образом, формальной властью стала обладать областная земская управа во главе с правым эсером М.А. Тимофеевым, председателем городской думы Хабаровска. Временное бюро издало распоряжение № 1, в котором объявило себя «единственным правомочным преемником краевой власти». Его признали Благовещенская городская управа, Амурская областная земская управа, правление Амурского казачьего войска, городская дума и управа Имана, Хабаровская городская дума и некоторые другие, а также консулы иностранных государств. Съехавшиеся на III краевой съезд Советов делегаты, не дожидаясь его открытия, провели совещание. На нём был создан комитет из 7 человек, которому поручалось исполнение функций краевой власти во время работы съезда. Члены комитета в 3 часа ночи приехали к А.Н. Русанову и потребовали передать им все документы съезда земств и городов.

Канцелярия Русанова была опечатана, а сам бывший комиссар и его управляющий делами В.В. Граженский были заключены под домашний арест. Однако члены Временного бюро успели спецпоездом выехать в Благовещенск, где обосновались и начали распространять свои воззвания.

В такой непростой обстановке начался III краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Дальнего Востока, прошедший в Хабаровске 12–20 декабря 1917 года под председательством А.М. Краснощекова. В работе съезда приняли участие 84 делегата от 15 Советов разного уровня, в их составе было 46 большевиков, 27 эсеров, 9 меньшевиков и 2 беспартийных. Съезд осудил действия бывшего комиссара Временного правительства А.Н. Русанова, не признал полномочий Временного Краевого бюро земств и городов и подверг критике деятельность эсероменьшевистского руководства Краевого комитета Советов «за неопределённое отношение к власти Совета Народных Комиссаров». 14 декабря 1917 года III краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил установление на Дальнем Востоке Советской власти. При этом съезд не вступил в конфронтацию с земствами, а пошёл на сотрудничество с ними, избрав Краевой комитет Советов и самоуправления. Председателем Краевого Совета стал большевик А.М. Краснощев.

Свидетельства эпохи. 1917

ВОЗЗВАНИЕ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

3 марта 1917 года

Граждане, Армия и Флот! Свершилось величайшее событие в жизни Русского народа. Над избавленной Россией восходит солнце свободы, правды и справедливости. Правительство, веками угнетавшее народ, отошло в вечность.

Но, преисполненные величайшей радости, мы ни на минуты не должны забывать, что перед нами стоит сильнейший внешний враг, который стремится сделать нас своими рабами. Великий Русский народ этого не допустит и даст достойный отказ дерзкому врагу, отстоит Родную Землю и свои права на светлую и счастливую жизнь...

Пусть в рядах нашей славной и доблестной армии и флота и всех нас, служащих ей, не произойдет заминки или колебания.

Этого можно достигнуть лишь тогда, если мы все сохраним полное спокойствие, если все дружно будем поддерживать порядок, спокойно примирясь с существующими властями впредь до обнародования новым народным правительством соответствующих актов о переменах.

Граждане, сохраняйте спокойствие!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
(второй годъ изданія) на ежемѣсячный

„ВЕЛИКІЙ ОКІА“

Въ журналѣ участвуютъ: Н. Амурскій, Н. Астевъ, Баталовъ, Н. Бодрый, М. Воловниковъ, проф. Гр. П. Маловѣжикъ, В. Мартъ, З. Матаевъ, Ф. Музычукъ, Новоселовъ, Н. Новицкій, Патушинскій, Г. Павловъ, денбергъ, А. Чалыгинъ, П. Чернявскій, В. Хлѣбниковъ и др.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

Отдѣлъ литературы и искусства. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться главнымъ образомъ и енисейскихъ авторовъ.
Исторія и этнографія края.
Вопросъ переселенія.
Культурно-просвѣтительная дѣятельность въ краѣ.
Отдѣлъ Дальневосточный: взаимоотношеніе странъ Дальняго Востока; по странамъ Даль.
Отдѣлъ Общественно-Политическій: образованіе внутренней жизни, автономія Сибири, с.
отдѣлъ. Экономическіе: торговая и промышленная жизнь края, статистическій матеріалъ.
Въ міръ Краѣ: Краѣ статьи по кооперации, хрисника нашего Союза, по краю, корресп.
сію, за границею.
Дальне... очинал Кооперации.
Отдѣлъ научно-популярный: научныя изслѣдованія Приморья.
Библиографія и др.

Подписная плата: 12 мѣщевъ—18 руб., 3 мѣщевъ 4 руб. 50 коп., 6 мѣщевъ—9 рублей.
ОТДѢЛЬНЫЙ № 2 рубль.

Объявленія: Впередъ текста и на обложкѣ 60 р. стр., назадъ—40 р. Частіи страници по ариф.
Адресъ редакціи: Владивостокъ, уголъ Норейской и Пекинской ул., № 34. Телефонъ 12—44.

Къ свидѣнію авторовъ. Рукописи, принимаемыя для напечатыванія, должны быть чисты и
рукописи менѣе одного печатнаго листа не возвращаются, больше печатнаго листа хранятся въ р.
которые уничтожаются. На въ какую переписку по поводу непринятыхъ рукописей редакція не ве.
Редакция открыта для прѣма по дѣламъ по вторникамъ и субботамъ отъ 11—2 час. дня. Справки в

Редакціонная коллегія: { Н. Н. Астевъ.
Н. Н. Матаевъ-Бодрый.

Издатель: Союзъ Примурскихъ Коопе

Редакціонная коллегія: Н. П. Матаевъ-Бодрый, З. Н. Матаевъ. Изданіе Народнаго Университета.

ИЗ ПИСЕМ ЭЛЕОНОРЫ ПРЕЙ,

американской гражданки, жившей во Владивостоке с 1894 по 1930 год
20.3.1917.

«Дом Романовых начался с Михаила и Михаилом закончился, хотя царствование последнего, кажется, заняло столько времени, сколько ему потребовалось, чтобы взять в руки перо и отказаться от трона. Сейчас каждый — «гражданин» и «гражданка», что само по себе звучит отвратительно: слишком сильно напоминает это citoyen и citoyenne [«гражданин» и «гражданка» (фр.)] времен французской революции».

21.3.1917.

«Вчера был арестован ген. Шинкаренко, а также барон Таубе и два других офицера. Шинкаренко — прокурор военно-окружного суда, приверженец строгой дисциплины старого режима, для которого отдание или неотдание солдатом чести — один из самых важных вопро-

сов в жизни, и солдаты всегда его ненавидели за то, как он выговаривал им на улице. Он просто отказался признать новый режим – говорит, что слишком стар, чтобы так быстро измениться. Конечно, он всегда был и остается старым твердолобым болваном, однако приятно видеть какое-никакое проявление характера, хотя бы и неуместное. Барон Таубе, напротив, всегда яростно критиковал прежний режим и все эти военные годы боролся прямо-таки героически, чтобы навести порядок в хаосе – по крайней мере, в его собственном департаменте, но человек по фамилии Таубе просто не имеет права на существование: ему давно уже следовало бы дать возможность заваливать работу кому-нибудь с менее броской фамилией – это же просто долг».

21.3.1917.

«Ни о чем больше и не слышно [кроме как о революции], и митинги проходят с утра до вечера. В понедельник был женский митинг, и, как говорят, все вопили одновременно. Женщины кричали: «Долой Таубе!», и когда кто-то спросил одну из самых осипших женщин, почему она хочет, чтобы покончили с Таубе, та ответила, что не знает. Они вопили также «долой китайцев!», «пусть у всех будут русские слуги!». Что это за безумие! Люди даже не знают, чего хотят, поэтому и кричат что попало, лишь бы покричать, а прежде митингов не разрешали».

21.3.1917.

«Сегодня революционное воскресенье, и город всюду одевается в красное – пока только в кокардах, эмблемах, знаменах и пр... Гарнизон, милиция (которая заменила полицию) и всевозможные делегаты проследовали на randevu у собора, причем все несли по одному или более красному флагу – иногда с надписями, иногда без. У большинства флаги развевались на древках, а те, у кого были старые красно-бело-голубые флаги, или отрезали белую полосу, или перевернули флаги так, чтобы красный оказался наверху».

Элеонора Лорд Прей. Письма из Владивостока. 2010.

Газетные сообщения

Хабаровские газеты поместили следующее характерное письмо: «Служащие электрической станции г. Хабаровска, собравшись для обсуждения деятельности Ленина, как вносящей разлад и дезорганизацию, сеющей раздоры и рознь среди армии и населения возродившейся России, в особенности в текущий момент огромнейшей важности, когда все силы государства должны быть направлены на то, чтобы довести войну до победного конца, и принимая во внимание, что Ленин своей пропагандой против войны с небольшой кучкой своих единомышленников губит лишь все то, что создано в течение последних трех месяцев русской революцией, – в связи со скорым приездом Ленина в Хабаровск, постановили: прекратить дачу света на все время пребывания его в г. Хабаровске и просить все организации и союзы примкнуть к нашему призыву».

Газета «Дальний Восток» (Владивосток), июнь 1917 года.

КРУШЕНИЕ ГРАЖДАНИНА

Где-то испортился телеграф. И Владивосток оказался отрезанным от «всего мира». Петрограда больше нет. Вместо него – громадная черная дыра. В эту дыру в неописуемом ужасе пытается заглянуть обыватель: что-то там делается?!

О, наш обыватель прекрасно помнит перерыв телеграфного сообщения в конце февраля. Он помнит, как после долгого молчания телеграф ударил его по голове ошеломляющей новостью:

– Переворот!

И теперь в томительной тоске он ждет такого же известия: переворот. Но теперь обыватель не ликует, а испуганно спрашивает:

– А кто вступил на престол: Ленин или Николай Романов?

Эти дни проходят во Владивостоке под знаком паники...

Газета «Дальний Восток» (Владивосток), октябрь 1917 года.

ПОЗОР НИКОЛЬСКА

29 октября в Народном доме состоялось заседание городской думы совместно с представителями демократических организаций, на заседании участвовали с «правом совещательного голоса». Об этом совещании гражданам Никольска не было сообщено. Но, по-видимому, широко были оповещены солдаты гарнизона, которые заполнили зал... Заседание было открыто речью городского головы Медведева, который, указав на потрясающие события в Петрограде, являющиеся смертельными для России и свободы, призвал граждан к единению и поддержке Временного правительства, которое должно довести страну до Учредительного Собрания – настоящего хозяина земли русской.

До выступления городского головы Медведева на сцену выскочил член управы Никольский большевик Абрам Моисеевич Краснощёков, который пригласил солдат записывать на бумажку, что скажут ораторы совещания, чтобы они, солдаты, знали кто их враги и кто друзья. Это заявление было скверной нетактичной выходкой против демократического совещания. Оно было встречено гробовым молчанием всех членов совещания и посторонней публики, но бурно поддерживалось кучкою солдат-клакеров.

После городского головы Медведева выступили Никольские большевики Зубарев и Панфилов, которые старались ругать Временное правительство, но их речи были сплошным сумбуром, из которых не только ничего не понимала публика, но и сами ораторы. Но эти «ораторы» имели среди солдат много клакеров, которые неестественно им аплодировали при гробовом молчании остального зала. Ораторам соц. рев. союза гор. служ., представителям рабочих железн. – дор. союза и друг, клакеры упорно не давали говорить.

В конце заседания выступил с двухчасовой речью член управы Абрам Моисеевич Краснощёков. О, Боже, как он говорил! И что он только говорил!.. Более великих преступников, как Керенский и весь состав Временного правительства, и свет не знает. Единственно святыми людьми в России являются Петроградские Питтербаумы, Апельбаумы, Нахамкесы и в Никольске он, Абрам Моисеевич Краснощёков.

Вся Никольская демократия молчала, а клакеры неистово аплодировали. Так в Никольске происходила публичная измена Временному правительству. В заключение под влиянием клакеров и чарами Абрама Моисеевича была принята позорная большевистская резолюция: «Дума признаёт действия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (читай большевиков) направленными для спасения «революционных свобод» и скорейшего созыва Учредительного собрания.

Газета «Уссурийская окраина» (Никольск-Уссурийский), 31 октября 1917 года.

РЕЗОЛЮЦИЯ СОЛДАТ 1 РОТЫ 728 САМАРСКОЙ ДРУЖИНЫ от 3 декабря 1917 г.

Узнав из обращения Объединенного исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов г. Никольска-Уссурийского и уезда о переходе власти в уезде и городе в руки Совета, мы, солдаты, вчерашние крестьяне и рабочие, единодушно приветствуем такой переход и считаем своим долгом обратиться к своим товарищам и членам Совета со следующим словом:

Товарищи! В трудный час вы стали у власти, ведь сейчас такая страшная разруха всюду. А тут еще враги трудового народа в своих желтых листках всячески стараются обливать вас помоями. Но вы не смущайтесь, знайте, что за вашей спиной стоит весь трудовой народ, он с вами и вас поддержит...

Вам же, буржуазным тиграм, мы, пострадавшие солдаты, рабочие и крестьяне, со всей революционной решимостью заявляем:

Что посеете, то и пожнете!

Газета «Дальневосточные известия» (г. Хабаровск), декабрь 1917 года.

Год 1918

Тревожный 1917 год закончился в состоянии фактического, хотя и мирного двоевластия. 11 декабря 1917 года бывший комиссар Временного правительства А.Н. Русанов передал свои полномочия Временному Краевому бюро земств и городов Дальнего Востока, а 14 декабря III краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов провозгласил установление на дальневосточной окраине России Советской власти. Американский консул во Владивостоке Колдуэлл в телеграмме госсекретарю США Лансингу от 13 января 1918 года сообщал: «Город контролируется областной земской управой, однако реальная власть находится в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, который согласился сотрудничать с земством... Во Владивостоке солдаты и матросы поддерживают прежде всего свой Совет».

Краевой комитет Советов и самоуправлений с начала 1918 года начал утверждать свою власть, создав комиссариаты труда и транспорта, финансов, продовольствия, земледелия, военный, народного просвещения и другие. Его официальным печатным органом Краевого комитета стала газета «Дальневосточные известия», выходившая в Хабаровске, её редактором был утверждён большевик Н. Нелиус, солдат Никольск-Уссурийского гарнизона. Позже в состав Краевого комитета были введены два представителя Уссурийского казачества: Г.М. Шевченко и Я.В. Подойницын. Но большинство земств и крестьянский Совет Амурской области, а также представители Советов Сахалина и Камчатки в Краевом комитете не были представлены.

Временное Краевое бюро земств и городов Дальнего Востока, обосновавшееся в Благовещенске, готовило съезд, пытаясь утвердить свою власть. Краевой комитет Советов направил на этот съезд А.М. Краснощекова. Съезд представителей самоуправлений края состоялся в Благовещенске 10–12 января 1918 года, в нём приняло участие 8 делегатов от Амурской области, 9 – от Приморской и по одному – от Амурского и Уссурийского казачьих войск. После бурных дебатов съезд постановил: 1. Временное Краевое бюро земств и городов, организованное 11 декабря в Хабаровске и заседавшее в Благовещенске, передавшее свои полномочия съезду, объявляется распущенным. 2. Единственным органом временной краевой власти является Дальневосточный краевой комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов для ведения общих краевых дел и сношения с центральной властью».

Белая гвардия. Из фондов УГМ

На основании этого решения Краевое бюро передало все свои документы (а вместе с ними и полномочия) Краевому комитету Советов. Но при этом земства и городские самоуправления на местах не ликвидировались, продолжая вести всю работу по организации повседневной жизни населения. В Приморской области ещё в конце 1917 года власть Советов фактически утвердилась во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Сучане, Спасске, в январе 1918 года – в Имане. Однако областная земская управа в составе 7 человек (все – правые эсеры), избранная в декабре 1917 года, отказалась от сотрудничества с Краевым комитетом Советов. 10 января 1918 года земская управа Приморской области приняла все дела по управлению от областного комиссара и областного исполкома, с областным крестьянским Советом управа согласилась сотрудничать только в «совместном разрешении вопросов принципиального характера».

И, наконец, на проходившем 8-14 мая V войсковом круге было принято решение о признании Советской власти и ликвидации уссурийского казачества (хотя фактически оно продолжало существовать). Так, казаки станицы Гродеково приняли решение присоединиться к крестьянам Приморской области, а в станице Полтавской, напротив, был организован Совет казачьих депутатов. Любопытно, что оба атамана – «белый» и «красный» – были родом из одной казачьей станицы Гродеково, но при этом И.П. Калмыков происходил из зажиточной семьи, а Г.М. Шевченко – из бедной. В последующие годы Гражданской войны в Приморье они неоднократно встречались в боях...

Очень сложным было начало 1918 года во Владивостоке. В марте состоялись перевыборы Владивостокского Совета, в результате чего в нём усилилось влияние большевиков. 18 марта 1918 года был избран новый состав исполкома, в него вошли 16 большевиков, 4 левых эсера, 2 правых эсера и 3 меньшевика. Председателем исполкома стал К.А. Суханов, его заместителем – П.М. Никифоров. Масштаб работы Владивостокского Совета резко возрос: появились финансовая коллегия, комиссариат труда, совет по рабочему контролю, штаб Красной гвардии, затем – штаб Красной армии. Ревтрибунал. 14–15 февраля 1918 года во Владивостоке прошёл областной съезд комитетов рабочего контроля, после чего в банки, на промышленные предприятия и в торговые заведения были направлены контролёры и комиссары.

*Особый Уссурийский казачий отряд атамана И.П. Калмыкова, июнь 1918 г.
Из фондов УГМ*

В ответ биржевой комитет Владивостока потребовал от Совета снять рабочий контроль. После отказа он призвал промышленников, предпринимателей, чиновников объявить всеобщую забастовку. Она началась 6 марта 1918 года, после чего в городе сложилась напряжённая обстановка. В ответ исполком Владивостокского Совета распорядился арестовать

членов президиума биржевого комитета – известных предпринимателей И.И. Циммермана, Э.Г. Сенкевича, А.Г. Свицерского и А.Л. Рабиновича. В их защиту высказались иностранные консулы, забастовали почтово-телеграфные служащие, чиновники, были закрыты магазины. Жизнь в городе оказалась парализованной...

Значительно ухудшились отношения Владивостокского Совета с городской думой и управой. В январе 1918 года дума приняла резолюцию в защиту Учредительного собрания, в ответ фракция большевиков вышла из состава думы. 25 февраля состоялись перевыборы городской думы, и её новый состав оказался значительно правее прежнего. Городским головой снова был избран меньшевик А.Ф. Агарев. На деловых взаимоотношениях Совета и гордумы сказывалась и позиция консулов иностранных государств, открыто поддерживавших думу и управу. Вполне реальной стала и угроза прямого вмешательства в ситуацию в городе вооружённых сил стран Антанты, в связи с чем 26 февраля 1918 года во Владивостоке был создан революционный штаб. В него вошли П.М. Никифоров, К.А. Суханов, Е.Г. Ходанович и другие, штаб возглавил общее руководство воинскими частями гарнизона, Сибирской флотилией и Красной гвардией.

Парад американских войск во Владивостоке

Полномасштабной интервенции на Дальнем Востоке России предшествовал японский «пробный камень». 12 января 1918 года Генеральный консул Японии во Владивостоке Хиро Кикучи отметил «чрезвычайную тревогу» японцев, «проживающих во Владивостоке и окрестностях его», вследствие чего «Императорское японское правительство... решило отправить военные суда во Владивостокский порт». В январе 1918 года в бухте Золотой Рог уже стояли два японских крейсера – «Ивами» и «Асахи», английский крейсер «Суффолк», а в феврале появился американский крейсер «Бруклин». 21 января 1918 года в гостинице «Версаль» налётчики ограбили нескольких иностранцев. Для тех беспокойных времён это было обычное событие, но консулы иностранных государств обратились к своим правительствам с требованием о принятии мер для наведения порядка в городе. Результатом стало появление на улицах Владивостока японских и английских матросских патрулей. На запрос городских властей командиры кораблей ответили, что это не десант, а охрана, высланная по просьбе консульств.

Японские военные моряки в окрестностях г. Владивостока. МПК 2812-40. Ф. 7144

4 апреля 1918 года были убиты трое подданных Японии, служащих конторы Иси-до (есть версия, что это была провокация японских спецслужб). Х. Кикучи, «вышедший уже из терпения в отношении безопасности жизни и имущества японских подданных», обратился к командующему японской эскадрой с целью «принятия экстренных мер, которые он сочтет необходимыми для ограждения жизни и имущества японских подданных». Ответ контр-адмирала Х. Като последовал немедленно. На следующий день, 5 апреля, он выпустил обращение к гражданам Владивостока, в котором заявлял, что хотя он «до настоящего времени абсолютно избегал совершать такие действия, как вмешательство во внутреннюю политику России или оказание той или иной политической партии поддержки», «произшедшее среди бела дня убийство и ранение трех японцев... заставило принять на себя ответственность за защиту жизни и имущества подданных Японской Империи», то есть «высадить десант с вверенной эскадры и принять меры, какие считаю соответствующими».

Управляющий КВЖД, генерал Д.Л. Хорват (в центре, с бородой) в группе военных в г. Владивостоке, 1918 г. МПК 16211-17. Ф. 37405

Е.Г. Ходанович, бывший тогда членом исполкома Владивостокского Совета, позже вспоминал: «4 апреля 1918 г... во Владивостокском отделении японской конторы «Исидо» было убито 2 японца и один ранен. К месту убийства прибыли начальник милиции Д. Мельников, начальник уголовного розыска А. Проминский, военный комиссар В. Бородавкин, но японцы не допустили к осмотру трупов и производству следствия. Японский консул явился в исполком Совета к Суханову и выразил протест против убийства двух японских граждан и настаивал на разрешении взять под свою защиту всех японских граждан, проживающих во Владивостоке. Суханов обещал найти виновников и предать их суду, а в отношении защиты японских граждан указал, что исполком Совета имеет достаточно своих сил... При переговорах присутствовали Б. Антонов, П. Никифоров, Е. Ковальчук и я. Несмотря на переговоры, на следующий день высадился японский десант и стал патрулировать по Светланской улице... Революционный штаб дал приказ, чтобы военно-морской флот также организовал круглосуточное патрулирование по Светланской улице. Несколько дней по Светланской улице с одной стороны ходил японский патруль, с другой – наш. Если японский патруль останавливался, то же делал и наш патруль. Но через несколько суток во избежание провокаций наш патруль был отменён».

Таким образом, Япония в начале апреля 1918 года самостоятельно продемонстрировала реальную военную силу, не дожидаясь решений Верховного Совета Антанты. Появление во Владивостоке японских контингентов вызвало опасения со стороны союзников по Антанте – они поняли, что следует поторопиться с началом интервенции. Разумеется, в этом вопросе существовали определённые разногласия, особенно между Японией и США. В том же 1918 году японская газета «Ничи-Ничи Симбун» писала: «Америка должна понять, что во Владивостоке и вдоль Восточно-Китайской и Сибирской железных дорог Япония не должна игнорироваться, и Америка не может действовать так, как ей нравится. Мы надеемся, что Америка не будет препятствовать осуществлению нашего плана». А ещё через два года, 3 июля 1920 года, правительство Японии выступило с декларацией о занятии своими войсками всего Сахалина. Но правительство США ответило нотой протеста, указав на необходимость

придерживаться условий Портсмутского договора, по которому северная часть Сахалина должна была принадлежать России.

Существующая Советская власть утверждалась на местах с заметными трудностями, итоги этого сложного процесса были подведены 8-14 апреля 1918 года, когда в Хабаровске состоялся IV краевой съезд Советов Дальнего Востока. В нём приняло участие 107 делегатов с правом решающего голоса и 62 – совещательного, большинство их составляли рабочие, крестьяне и казаки, были представлены все области. При открытии съезда председатель Краевого комитета Советов А.М. Краснощеков заявил: «В будущей истории нашего края этот период будет известен как период завоевания Дальнего Востока трудовым народом». IV краевой съезд Советов в целом одобрил проделанную работу. Но, учитывая невозможность дальнейшего сотрудничества с земствами и городскими самоуправлениями, принял решение их упразднить. Таким образом, двоевластие Советов и земств длилось в Приморье до конца апреля 1918 года.

IV областной съезд приморского крестьянства с участием представителей уссурийского казачества, состоявшийся 15–20 апреля 1918 года в Никольск-Уссурийске, высказался за прекращение деятельности областного земства и избрал ликвидационную комиссию. Однако Приморская земская управа срочно созвала 3-е областное чрезвычайное земское собрание, заседавшее 20–22 апреля 1918 года. Оно приняло решение сохранить земства и поручило областной земской управе «выполнять дальнейшее ведение земского дела, пока будет представляться к тому какая-либо возможность». 24 апреля 1918 года ликвидационная комиссия явилась в Приморскую областную земскую управу и потребовала от земских деятелей сдать дела. Они отказались это сделать, и для передачи дел пришлось вызывать вооружённый отряд.

24 апреля 1918 года Краевой комитет Советов принял обращение «К гражданам Приморской области», в котором говорилось, что упразднение земств связано с тем, что они встали на путь борьбы с Советами. 5 июня 1918 года Владивостокский Совет по указанию Дальсовнаркома приступил к ликвидации городской думы. Заместитель председателя Совета П.М. Никифоров предложил управе сдать все дела. Члены управы также отказались сделать это добровольно, и передача власти произошла при помощи красногвардейцев. При Владивостокском городском Совете вместо думы и управы был создан совет городского хозяйства. По мнению современных исследователей, «разгон земских и городских самоуправлений способствовал увеличению стана противников советской власти, активизации начавшегося Белого движения и подготовке к интервенции держав Антанты» («История Дальнего Востока России», 2003).

Чехословацкие легионеры на похоронах своих товарищей, убитых в боях под Никольск-Уссурийском, 1918 г.

Между тем политическая обстановка на Дальнем Востоке продолжала оставаться сложной. С весны 1918 года в зоне отчуждения КВЖД начали формироваться военные отряды генерала Д.Л. Хорвата, атаманов Г.М. Семенова и И.П. Калмыкова. Был и ещё один фактор: уже упомянутые чехословаки или «белочехи», как их стали называть историки советского периода. Разумеется, никакими «белыми» по сути они не были. Чехословацкий корпус участвовавший в войне против Германии и весной 1918 года находившийся в Пензе, был направлен через Сибирь во Владивосток, чтобы оттуда морским путем отбыть в Европу – опять на войну с Германией. Первые эшелоны пришли во Владивосток в конце апреля, но в порту судов для их отправки на родину не оказалось. В течение мая 1918 года сюда прибыло до 16 тысяч чехословаков, которых временно поместили в солдатские казармы. Никто не мог им объяснить, почему их держат во Владивостоке. Недовольство отвоевавших своё солдат возрастало... Именно с восстания Чехословацкого корпуса во Владивостоке формально началась иностранная интервенция на восточной окраине России.

Как и по всему Транссибу командование частей Чехословацкого корпуса во Владивостоке первоначально заявляло о своём полном нейтралитете. Но после того, как городской Совет предъявил им требование о разоружении, начальник 2-й чехословацкой дивизии генерал Дитерихс 29 июня 1918 года выдвинул ответный ультиматум, предложив Владивостокскому Совету разоружить красногвардейские части. После небольших боестолкновений город полностью заняли чехословацкие войска (при этом два полка отказались выступить и были интернированы на Русском острове). Была образована специальная Владивостокская группа Чехословацкого корпуса, командование над которой принял М.К. Дитерихс. С иностранных кораблей, стоявших в бухте Золотой Рог, были высажены десанты «для поддержания порядка».

Руководство городского Совета во главе с К.А. Сухановым было арестовано, к власти пришло тут же образованное Временное правительство автономной Сибири (ВПАС), которое возглавил П.Я. Дербер. «Областников» (так их называли) поддержали Приморская областная земская управа во главе с правым эсером А.С. Медведевым и Владивостокская городская дума во главе с меньшевиком А.Ф. Агаревым. Символом интервенции на востоке

России стали флаги, водружённые над входом в здание бывшего Владивостокского Совета: американский, английский, французский, канадский, японский, китайский и трёхцветный российский. Состоялся парад войск интервентов, вслед за ними по Светланской улице прошли колонны эсеровских дружин, состоящих в основном из студентов и гимназистов.

Ещё 4 июня 1918 года страны Антанты заявили Совнаркому о том, что «чехословацкие войска в России являются частью союзных армий». 2 июля 1918 года Верховный совет Антанты с целью поддержки чехословаков, к тому времени захвативших весь Транссиб, принял решение о начале интервенции в России. Поделить между собой территории Дальнего Востока и Сибири мечтали в основном Япония и США, хотя свои интересы были и у Англии, и у Франции, и даже у Китая. 6 июля 1918 года представители «союзного командования» иностранных войск на Дальнем Востоке опубликовали объединённую декларацию об объявлении Владивостока состоящим под международным контролем. Под документом подписались адмирал А.М. Найт, главнокомандующий Азиатским флотом САСШ, Хирохару Като, вице-адмирал, командир спецдивизиона Императорского японского флота, Пэйн, капитан Британского королевского флота, старший британский морской офицер, полковник Парис, начальник французской военной миссии, капитан чехословацкой армии Бадюра, комендант Владивостока, Х. Лю, капитан китайского флота, командир крейсера «Хай-Юн».

Красногвардейский плакат

Разумеется, целью таких действий стран Антанты во Владивостоке была вовсе не операция против мифических «австро-германских шпионов», а борьба за возможность овладения богатствами восточной окраины России, не исключая и её территории. Такие планы вполне могли бы стать реальностью, поскольку Владивосток, город хотя и «нашенский» (по известному выражению В.И. Ленина), был отделен от центральной России Сибирью, занятой восставшими чехословаками... В тот же день, 6 июля 1918 года, в Мурманске было подписано «Временное, по особым обстоятельствам, соглашение представителей Великобритании, Северо-Американских Соединенных Штатов и Франции с президиумом Мурманского краевого Совета» в целях совместной защиты края от держав германской коалиции. Госде-

партамент США 17 июля 1918 года издал меморандум о допустимости военных действий в России.

2 августа 1918 года в Архангельске члены партий эсеров, народных социалистов и кадетов осуществили антибольшевистский переворот. Власть в свои руки взяло Верховное управление Северной области во главе с Н.В. Чайковским, в Архангельске высадилось около тысячи английских, французских и американских солдат и матросов. Во Владивостоке также быстро наращивались интервенционистские силы. 3 августа 1918 года сюда прибыл батальон 25-го Мидлсекского полка из Британского Гонконга, 4 августа – первая группа (около 1600 человек) 9-й китайской дивизии, 9-го августа – французский батальон (800 солдат), 11 августа – первые 2000 японских солдат, 15 и 21 августа – два американских полка общей численностью в 3 тысячи человек. Правда, в военных действиях против «красных» принимали участие только чехословацкие и японские части.

После смены власти во Владивостоке чехословацкие части начали продвижение вдоль железной дороги к Уссурийску. В это же время в Приморье из Китая вступили отряды Калмыкова и Орлова. 9 июля 1918 года из Харбина на пограничную станцию Гродеково прибыл генерал-лейтенант Д.Л. Хорват. В воззвании к населению он объявил себя Временным Правителем России, заявив, что решил взять на себя всю полноту государственной власти до восстановления порядка в стране и созыва свободно избранного Учредительного собрания, которое и должно установить «будущий образ правления Российского государства». В Приморье развернулись бои между «белыми» и «красными», в итоге части Красной Армии и Красной гвардии отступили к станции Уссури (в 100 верстах к северу от Спасска), где был организован Уссурийский фронт.

В 1930-х годах главком «красных» В.В. Сакович так вспоминал об этих событиях: «Совершив переворот во Владивостоке, где тотчас организовалось белое правительство некоего Дербера, чехословаки, по указанию интервентов, провели наступление на Никольск-Уссурийский – крупный узел железных дорог, ведущий на Харбин и Хабаровск.

Белогвардейский плакат

Навстречу чехословацкой дивизии мы бросили красные части с Гродековского фронта и красноармейцев Никольск-Уссурийского. Одновременно краевой красный штаб начал организовывать новые отряды из рабочих и крестьян. В 15–18 верстах южнее Никольск-Уссурийского завязался жестокий бой. Красные бойцы упорно отражали яростные атаки противника, прекрасно вооруженного новейшим оружием и броневиками. У нас же половина орудий были старые, образца 1877 года, не скорострельные. Все-таки благодаря их калибру (4.2 дм) мы наносили большой урон густо наступавшим чехословакам и белогвардейцам. Командовал фронтом Тонконогий из города Никольска, помогал ему чешский офицер Мирковский. Всего у нас насчитывалось не более 1,5 тысяч бойцов, а у врага – свыше 10 тысяч, и он начал частью войск обходить наши отряды. Красным бойцам пришлось отступить к Спасску примерно на 150 верст».

Однако 31 июля 1918 года они перешли в наступление и захватили важный укрепленный пункт «белых» – Каульские высоты под Шмаковкой. Ещё из воспоминаний В.В. Саковича: «Отряд из 3 тыс. бойцов под начальством Флегонтова занял дер. Глазовку, расположенную по правому берегу Уссури, напротив Шмаковского монастыря. Для фронтального наступления... отряд в 4 тыс. чел. под начальством Урбановича. Уже с 5 часов утра Урбанович повел наступление. К 5 часам вечера Каульские высоты были взяты, противник большей частью перебит в окопах... Обходной отряд Флегонтова бомбардировал в это время с правого берега Уссури Шмаковский монастырь. Чехословаки, белые и монахи посыпались, как пчелы из разоренного улья, но позаботились утащить с собой 40 пудов золота и ценности». После этой даты войска Красной Армии временно закрепились в районе Спасска.

Таким образом была сорвана попытка соединения приморских «белочехов» с основными силами Чехословацкого корпуса, находящимися в Сибири. Командующий группой

генерал М.К. Дитерихс был вынужден признать, что он не только не может пробиться на Запад, но в случае продолжения наступления «красных» даже не сумеет удержать позиции под Никольском-Уссурийским. К тому же вовремя проявил себя «красный атаман» Г.М. Шевченко. Его казачий отряд был направлен для проникновения в тыл войск «белых». На пяти пароходах отряд Шевченко прошел по реке Сунгаче на озеро Ханка и, выйдя в район Камень-Рыболова, разгромил под Астраханкой кавалерийский отряд подполковника Орлова. От окончательного поражения в районе Спасска белогвардейцев спасли союзные войска. Разумеется, против такой вооружённой силы «красные» устоять не могли. 4 сентября 1918 года Дальсовнарком и его войска оставили Хабаровск, отступив в Амурскую область. В сентябре боевые действия прекратились, перейдя в партизанскую войну.

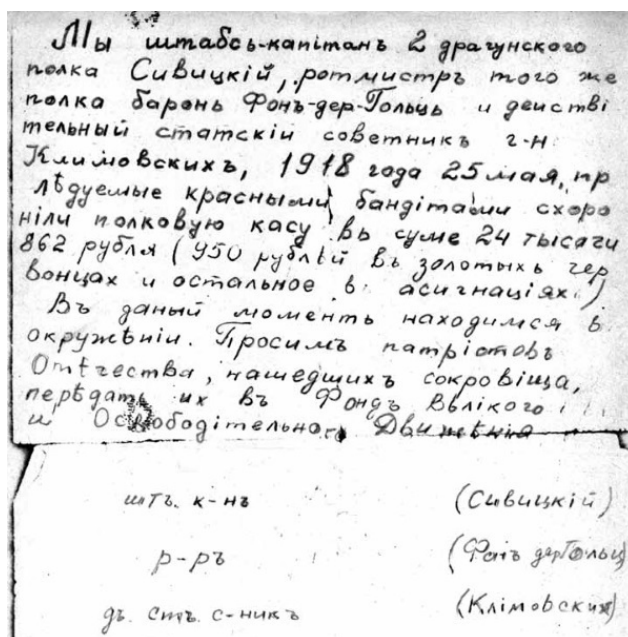
22 октября 1918 года владивостокское Временное правительство автономной Сибири передало свои полномочия созданному в Омске ВСП – Временному Всероссийскому правительству (так называемой Директории). Однако ВСП просуществовало недолго. 18 ноября 1918 года адмирал А.В. Колчак, военный и морской министр Временного Сибирского правительства, был провозглашён в Омске «Верховным правителем России». В этот же день во Владивостоке был убит К.А. Суханов... Адмирал Колчак довольно быстро установил свою власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Верховным уполномоченным его правительства с резиденцией во Владивостоке стал генерал Д.Л. Хорват, в июле 1919 года его сменил генерал С.Н. Розанов, ставший главным начальником края. Население вначале приняло новую власть нейтрально, но постепенно отношение стало меняться – в основном из-за террора против сторонников Советов. А после начала мобилизация молодежи в армию Колчака в Приморье начался массовый уход населения в партизаны.

В Токио отношение к колчаковскому перевороту было осторожным. 21 ноября 1918 года Генштаб японской армии указал генералам Отани и Оба на необходимость укрепления политического и военного положения Японии на Дальнем Востоке путём поддержки «автономных русских учреждений», «командования местными войсками» и генерала Д.Л. Хорвата. Сразу же после этого атаман Г.М. Семёнов прервал телеграфное и железнодорожное сообщение между Сибирью и Дальним Востоком, объявив о принятии на себя всей власти на территории Забайкальской и Амурской областей и на территории Уссурийского казачьего войска. 28 ноября 1918 года японский Генштаб известил союзных военных атташе, что «все слухи о причастности Японии к объявлению Семеновым независимости Восточной Сибири не соответствуют действительности».

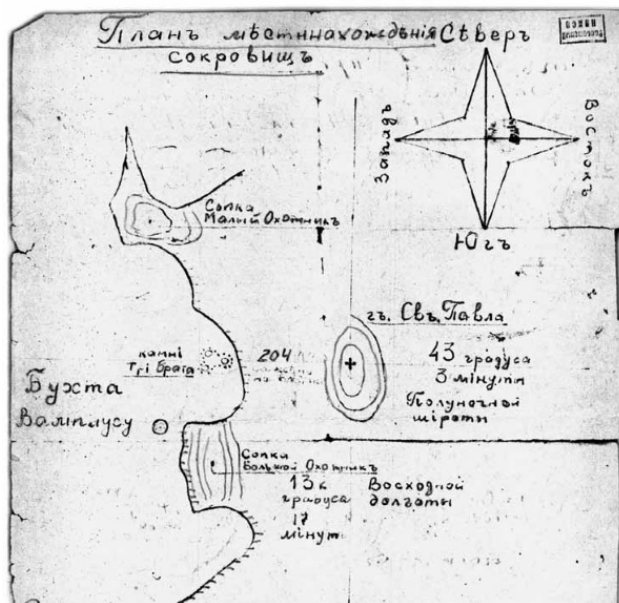

Американская закусочная во Владивостоке

Но дальнейшие события показали, что на самом деле политика Японии была направлена на поддержку атаманщины. Когда адмирал Колчак издал приказ об отрешении Семёнова от всех должностей и направил в Читу отряд под командованием полковника Волкова, командование 3-й японской дивизии, расквартированной в Забайкалье, отказалось его пропустить. В конфликт попытались вмешаться союзные представители во Владивостоке, но и им японцы заявили, что не допустят смещения Семёнова, поскольку его отряды «поддерживают спокойствие в местах их расположения». Атаман И.П. Калмыков, обосновавшийся в Хабаровске, также проводил аналогичную политику, направленную на создание казачьей автономии на Дальнем Востоке.

Записка из бутылки, найденной осенью 1986 года, посёлка Мысовой Шкотовского района. Из фондов ИГОМ

Карта из бутылки, найденной осенью 1986 года у посёлка Мысовой Шкотовского района. Из фондов ИГОМ

Свидетельства эпохи. 1918

ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Консул США во Владивостоке Колдуэлл – государственному секретарю США Лансину.

Владивосток, 8 января 1918 года.

Госдепартаменту срочно необходима точная информация по следующим пунктам:

1. Какая власть в данное время контролирует Владивосток?
2. Контролирует ли эта же власть Амурскую область?
3. Каким образом данная власть конституировалась?
4. Каково ее отношение к большевистскому правительству в Петрограде?
5. Имеет ли она массовую поддержку среди солдат и матросов?
6. Открыт ли порт и если да, то останется ли таковым в дальнейшем?
7. Каково отношение властей, солдат и матросов к иностранным гражданам?
8. Какова численность войск во Владивостоке, в том числе моряков? То же самое – в области?
9. Каковы перспективы безопасной высадки во Владивостоке группы Стивенса?

Колдуэлл-Лансину. Владивосток, 13 января 1918 года.

На Вашу телеграмму от 8 января.

1. Город контролируется областной земской управой... однако реальная власть находится в руках Совета рабочих и солдатских депутатов, который согласился сотрудничать с земством, поскольку управа ввела в свой состав солдатских представителей.

2. Земская управа контролирует Амурскую область, отказывающуюся признать солдатских депутатов.

3. 24 декабря краевой комиссар, назначенный Временным правительством, видя, что он не может далее осуществлять власти созвал собрание представителей земств края и организовал административный комитет земства из 6 членов, которому и передал все полномочия... Столица края временно переведена в Благовещенск, во избежание конфликта с солдатами в Хабаровске. Каждая область имеет свой земский комитет, Приморское земство находится во Владивостоке, приняв власть от областного комиссара, назначенного Временным правительством.

4. Земский комитет не признает власти петроградских большевиков. Солдатские советы признают эту власть и попытались выполнить ее распоряжения, но были удержаны от исполнения наиболее радикальных приказов теми элементами, которые указали им на серьезные последствия подобных действий – ущемление прав японцев и иностранную интервенцию, о которой уже тогда думали.

5. Во Владивостоке солдаты и матросы поддерживают прежде всего свой Совет, который в данный момент сотрудничает с земским комитетом. В Хабаровске они отказываются признать земство и предлагают создать комитет из 6 солдат, 6 рабочих и 6 крестьян. Амурские солдаты решили поддержать земство.

6. Порт открыт и, похоже, останется таковым. Затруднения с командой ледокола не кажутся в данное время вероятными, если только не истощатся средства для выплаты ей заработной платы...

7. Власть, солдаты и матросы не проявляют враждебности к иностранцам, будучи особо дружелюбно настроены по отношению к американцам. Японцам же не доверяют, их опасаются. Единственная опасность для американцев заключается в отсутствии сильной власти, способной обеспечить им защиту...

8. Во Владивостоке имеется 15 тыс. солдат и 700 матросов, в Хабаровске -300 матросов, всего в области численность войск составляет 35 тыс. человек.

9. Групп Стивенса может высадиться в полной безопасности в любое время. Ее отъезд в Японию... был вызван не враждебным к ней отношением русских, а невозможностью здесь работать...

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

ОБРАЩЕНИЕ

Никольск-Уссурийскому крестьянскому съезду – от владивостокских солдат: «Мы, солдаты 10 роты 3 Владивостокского крепостного артиллерийского полка, заслушав доклад... о крестьянском съезде в г. Никольск-Уссурийске, из чего мы видим, что наши отцы в деревнях вводились в заблуждение лжесоциалистами..., почему эти лжесоциалисты и были избраны в Учредительное собрание, а также и способником им было это – бюро Приморского областного союза крестьян... которое не удовлетворяло волю трудового крестьянства... И крестьянство в лице съезда вынесло свое недоверие к этим лжесоциалистам, а также и к бюро и даже ко всем органам их печати. Мы постановили: приветствовать крестьянский съезд Приморской обл. в такой работе по сплочению крестьян, рабочих и даже казаков. С своей стороны требуем, чтобы этих лжесоциалистов убрать с дороги, дабы они не сеяли рознь между нами и не травили бы нас с нашими же отцами. А Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совет Народных Комиссаров как единственный выразитель воли народа будем поддерживать всеми имеющимися у нас средствами, вплоть до вооруженной силы...»

Газета «Известия Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов» (Владивосток), февраль 1918 года.

ИЗ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ

Консул США во Владивостоке Колдуэлл – госсекретарю Лансингу. Владивосток, 30 апреля 1918 года.

Местный Совет без какого-либо сопротивления занял помещение земства... Земство заявило, что оно не распущено и что оно соберется где-нибудь в другом месте, однако, я полагаю, что ему уже не быть снова правительственной властью. Совет пытается убедить городские власти передать ему все полномочия, но пока безуспешно, хотя он мог бы применить к ним тот же способ, что и к земству... Чехословаки прибывают в город ежедневно, здесь их уже скопилось 6 тыс. чел., внешний вид и дисциплина превосходные, имеют оружие. Совет предоставил им казармы. Заинтересованные стороны проинформированы.

Колдуэлл-Лансингу. 29 июня 1918 года, г. Владивосток.

Сегодня в 10 часов утра чехи предъявили Совету ультиматум, потребовав ответа через 30 минут, но ответа не получили. Поэтому чехи заняли резиденцию Совета и приступили к насильственному разоружению Красной гвардии, которая не оказала сопротивления, за исключением группы, собравшейся в штабе крепости... Эта группа сдалась после двухчасового боя с применением винтовок, пулеметов и ручных гранат. Точных данных о потерях пока нет, но, по-видимому, убито не более 15 и ранено 40 человек. Японцы и англичане сегодня утром высадили большие вооруженные десанты, но в бою они участия не принимали. Адмирал Найт сегодняшним вечером высадил небольшое подразделение моряков с единственной целью защиты консульства. По просьбе чехов японские и английские патрули отозваны повсюду, за исключением консульств, на улицы вышли сами чехи.

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

А.Р. ВИЛЬЯМС, американский журналист.

ОТРЫВОК ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ

[февраль 1919 года, США, после возвращения из России]

... Я был во Владивостоке, когда белые сорвали флаг Российской республики и подняли старый флаг русской автократии. Я видел, как грузчики, жившие раньше подобно животным и поднятые Советами до положения человека, зная лишь, что Совет в опасности, бросились к зданию красного штаба и забаррикадировали двери.

Там они дрались вооруженные лишь ружьями против пулеметов и пистолетами против артиллерии. Их было только 200 против 20 000 чехословаков, английских и японских солдат, но они отказались сдаться, пока в здание не попала зажигательная бомба. Им пришлось выйти на улицу, где их и перебили.

Три дня спустя, четвертого июля [1918 года], трупы положили в гробы и окрасили гробы в красный цвет. Женщины сплели на гробы венки. Семнадцать тысяч человек, мирных и безоружных, стеклись вниз к возвышенности. Они пели «Интернационал». Они спустились по улицам города, пока не дошли до английского консульства, расположенного в глубине большого сквера, и там эти 17 000 человек остановились и открыли митинг.

Я не могу описать грусти, печали и отчаяния этой толпы, но сейчас я обращаюсь особенно к американским патриотам, когда говорю, что в разгар печали и горя внезапно по склону сбежал матрос, который сказал:

«Товарищи, не унывайте! Мы не одиноки. С нами американцы». Он указал на большой американский военный корабль «Бруклин», стоявший в гавани под флагами расцвечивания. Они думали, что это в честь их жертв. [4 июля – национальный праздник США].

Когда толпа увидела его, все закричали: «Американцы с нами!». И подняли на плечи красные гробы, подняли и венки и по жаре и пыли проделали длинный переход вверх по склону, пока не пришли к высокому флагштоку, на котором развевалось звездно-полосатое знамя.

И здесь, под этим звездно-полосатым знаменем, они поставили гробы, протянули к нему руки, пели песни и просили у этой великой, как они думали, демократии Запада лишь одного: слова сострадания, слова, обращенного к ним, в защиту демократии, которую они создали на Востоке. Я никогда не слышал большей похвалы американскому народу.

«Помощь и сочувствие», которые мы им оказали, пришли через несколько недель, когда американские войска высадились на берег и американские солдаты вместе с японцами громили Советы рабочих и крестьян России...

Источник: Город нашенский. Владивосток, 1970.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОЮЗНОГО КОМАНДОВАНИЯ

об объявлении Владивостока состоящим под международным контролем,

6 июля 1918 г.

«Ввиду опасности, угрожающей Владивостоку и союзным силам, здесь находящимся, от открытой и тайной работы австро-германских военнопленных, шпионов и эмиссаров, настоящим город и его окрестности берутся под временную охрану союзных держав и будут приняты все необходимые меры для защиты как от внешней, так и внутренней опасности. Все приказы, изданные до сего времени чехословацким командованием, продолжают в силе... Военные силы и полиция будут усилены таким количеством союзных сил, какое будет найдено необходимым для предотвращения опасности со стороны австро-германских агентов... Власть земства и городского самоуправления признается в пределах местных дел... Настоящий акт делается в духе дружбы и симпатии к русскому народу а не какой-либо политической фракции или партии... в надежде, что период спокойствия даст возможность

сбросить иго тиранической диктатуры австро-германских держав, спешащих навязать это иго русскому народу на долгое время».

Источник: Борьба за власть Советов в Приморье (1917–1922 гг.). 1955.

ПРОТОКОЛ

заседания Дальне-восточного Совета народных комиссаров. 6 июля [1918 г.] № 203

Слушали:

4. Об общем положении вещей в Сибири и на Дальнем Востоке и выработке определенного плана действий против контр-революционного движения.

Товарищ председатель, обрисовывая положение, говорит, что против советской республики в крае и Сибири имеются три фронта. Помимо этого в каждом городе и деревне есть десятки фронтов. Мы на Дальнем Востоке вступили в период строительства новой жизни и были уверены, что сговоримся с соседними странами. Теперь же все сделанное нами поставлено на карту. Момент самый серьезный. Здесь собрались дальсовнарком, члены военн. комис., Центр-Сибири, железнодорожного комитета Уссурийской жел. дор., Амурской речной флотилии, президиум военного комиссариата Дальн. Востока, и пред. Хабаровского совета рабочих и крестьянских депутатов для того, чтобы совместно выработать план действий в дальнейшем.

Тов. Гейцман (представитель комиссариата иностранных дел Центр-Сибири) на предложение тов. Краснощекова высказаться о том, что нам нужно делать сейчас, говорит, что иностранная советская политика до сих пор выражалась в том, что никакой политики не было, а только вызвать революцию во всех странах. Теперь же, с точки зрения государственности, нужно ребром поставить вопрос американцам и англичанам: «Что вы собственно от нас хотите, что вы хотите с нами сделать чехословацким движением?». Может быть мы с ними как-нибудь сговоримся. Кроме того, что единый фронт с меньшевиками и правыми социалистами-революционерами, которым нужно указать, что нужно бороться с общим врагом – империалистами, без сомнения, помогут выйти из создавшегося положения.

Тов. **Половников** (представитель военного комис. Центр-Сибири). Забайкальский фронт нами в военном отношении был почти ликвидирован. Гродековские недоразумения тоже ликвидировали, открылся новый фронт в Нижне-Удинске с чехословаками. Наши города пали один за другим мирным путем. Инцидент не ликвидирован. Остался один способ ликвидации его – это вооруженная борьба. Но теми силами, которые имеются у нас, трудно вести борьбу. У нашей армии много энтузиазма, но она мало технически организована. Чехословаки хорошо организованы в военном отношении. Начинаящийся раскол в чехословацкой армии во Владивостоке есть надежда на наше спасение. Некоторая надежда – это помощь из Европейской России. Если нам удастся продержаться до этой помощи, то мы спасены.

Кулиныч (представитель чрезвычайной комиссии по разгрузке Владивостока). Нам от владивостокских спекулянтов было известно, что чехословаки с русскими белогвардейцами сговорились арестовать совет. Мы предупреждали совет, но он обратил на это очень мало внимания. В дальнейшем он осветил ход событий во Владивостоке.

Тов. Половников задал несколько технических вопросов.

Тов. Гейцман. Несколько месяцев тому назад Центр-Сибирь получила директивы от центрального правительства, что через всю Сибирь и Дальний Восток должны проследовать во Владивосток частью вооруженные и просили оказывать им содействие. Советы Сибири протестовали, указывая, что и железная дорога не выдержит, и продовольствия не хватит, но из Центра сообщили, что вопрос этот уже решен, что они должны отправиться во Владивосток. Первые эшелоны чехословаков встречали манифестациями и митингами и они благополучно проехали. Но следующие эшелоны, которые следовали, начали вести себя совсем

не по-дружески. Уже в Челябинске и других городах начались волнения чехословаков отчасти без всякого с нашей стороны повода, а отчасти с провокационными целями со стороны наших контрреволюц. Затем он рассказывает подробно о мирной делегации, об участии в переговорах генеральн. американского консула, о выработке мирного договора и отношениях чехословаков. Телеграммы от Троцкого о разоружении чехословаков в силу требований германского правительства – наглая ложь, таких телеграмм никогда не было. Правда, в некоторых местах, как в Омске, обезоруживали чехословаков, несмотря на то, что Центро-Сибирью были даны указания обходиться с ними хорошо и не вызываяще. Да это были единичные случаи. Японский консул Като в своей беседе определенно заявил, что Франция совсем не думает принять к себе чехословаков, это было определенной политикой союзников действовать против советской республики. Кроме того, шведские и датские консулы также заявили, что с помощью чехословаков союзники решили оккупировать Сибирь и занять Сибирскую магистраль и предложили использовать военнопленных, которым грозит опасность быть уничтоженными. Но Центро-Сибирь держалась одного лозунга: «Не признаем» – ни союзников, ни военнопленных.

Американский консул Геррис заявил: «Откройте фронт с немцами и завтра будет ликвидирован чехословацкий конфликт». В заключение говорит, что следовало бы лучше держаться политики непризнания мирного договора с Германией, да и теперь еще не поздно, ибо союзники знают, что одна только советская власть пользуется доверием широких народных масс, а другие партии никаким доверием не пользуются.

Тов. Краснощеков (председатель Дальсовнаркома). Дальне-восточный совнарком знает, чего хотят иностранцы. Они делают, чтобы Россия опять открыла фронт с Германией или своими силами, или разрешила Америке, Англии и Франции открыть фронт. Восточный фронт своими силами. У Японии интересы другие. Ей наплевать на немецкий фронт, она бы ничего не имела, чтобы обанкротилась и Америка, и Англия и Франция, ей хочется захватить Дальний Восток и Сибирь. Чехословаки есть последняя ставка иностранцев для уничтожения советской власти в Сибири с тем, чтобы с вновь организующейся Сибирью править. Если разобьем чехословаков, то мы покажем иностранцам, что у нас есть еще сила, и они должны будут признать советскую власть открытой. Войну иностранцы вести с нами не могут, у них нет военных сил. Есть только у Японии, но ей они не доверяют.

Тов. Ершов (представитель военного комиссариата Центро-Сибири). Политика ведь может быть хорошая, но в настоящее время не следует слишком говорить об этом, да и вообще политика является соотношением реальных сил. Перед нами должен стоять один вопрос, должны и можем ли мы вести борьбу со всем этим движением. Для меня вопрос ясен – нужно бороться до крайности, но не так вести борьбу, как раньше – разрозненно, а нужен единый центр. Все нужно организовать и концентрировать для того, чтобы дело пошло хорошо. Раз у нас внутренняя война, то все должно пойти для этой войны. Центр должен быть организован и поэтому центру все должно быть подчинено.

Тов. Гейцман настаивает на необходимости начать переговоры с Америкой через иркутского американского генерального консула и уверен, что успех в этом будет. Политика может сыграть большую роль, чем военные действия.

Тов. Краснощеков. Нельзя конечно иметь против практического предложения об организации единого военного центра. Нам необходимо из обмена мнений выяснить обстановку борьбы с контрреволюцией.

Тов. Ершов находит необходимым немедленно решить вопрос о создании военного центра. В результате долгих прений вынесено две резолюции:

1) Делегации военного комиссариата Центро-Сибири:

Вести беспощадную борьбу с надвигающейся контрреволюцией до последней возможности.

1. Образовать единый военный центр из представителей Дальсовнаркома и Центр-Сибиря с неограниченными полномочиями.
2. Приспособить все хозяйство Сибири для организации сопротивления.
3. Мобилизовать всех советских работников для военных целей.
4. Произвести точный учет и распределение всех военных и продовольственных запасов.

2) Тов. Кулиныча:

В целях объединения беспощадной борьбы с надвигающейся контрреволюцией собрание считает необходимым создание единого объединяющего центра. План организации поручить разработать объединенному заседанию презид. Дальсовнаркома, военного комиссариата Центр-Сибиря и военного краевого штаба с тем, чтобы этот проект был утвержден Дальсовнаркомом.

Принята вторая резолюция.

Газета «Дальне-Восточные Известия» (Хабаровск), 25 июля 1918 года.

СООБЩЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО БЮРО ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ КРАЕВОМ СОВНАРКОМЕ

8 июля 1918 г.

Сегодня из Спасского наши представители сообщают, что советские эшелоны отступают из Никольска, который оставлен нами под напором чехословаков и семеновских банд, при отступлении взрываются мосты и дорога, все ценное из Никольска вывезено... С Гродековского фронта идут в Спасское казаки и чехи, состоящие в Красной Армии. В Хабаровск прибыл первый поезд с ранеными товарищами, есть раненые разрывными пулями. В Никольск-Уссурийске идет бой, оставшиеся в городе красноармейцы оказывают отчаянное сопротивление чехословацким и белогвардейским бандам. Чехословаки и белогвардейцы вырезают поголовно всех рабочих и крестьян, имеющих у себя какое-нибудь оружие. Идут массовые расстрелы членов рабочих союзов по спискам, предъявленным белогвардейцами. Бывшие военнопленные обезоружили охрану, захватили оружие и выступили против чехословаков, отстреливаясь из частных домов, военнопленные оказывают сильное сопротивление входящим в город чехословацким частям, весь город в огне, артиллерийская канонада со стороны чехословаков продолжается...

Источник: Борьба за власть Советов в Приморье» (1917–1922 гг). 1955.

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ХОРВАТА

9 июля 1918 года

Объявляя себя Временным Правителем и ставя себе главной задачей создание такой власти, которая обеспечит населению спокойствие, законность, порядок и производительность его труда, я образу при себе деловой кабинет под председательством одного из членов его.

Кабинет этот будет состоять из людей практического опыта, обширных знаний, облеченных доверием общественных и политических кругов и населения.

Кабинет этот в своей деятельности будет руководствоваться следующими главными положениями:

- 1) Отмена всех изданных большевиками декретов,
- 2) Восстановление судебных установлений и административных учреждений, городских и земских самоуправлений,
- 3) Равенство всех граждан перед законом, охрана гражданских свобод,
- 4) Всеобщее избирательное право,

- 5) Восстановление в полном объеме всех договоров с союзниками и нейтральными державами и обязательств, как политических, так и имущественных,
- 6) Восстановление армии на началах строгой дисциплины и притом чуждой политики,
- 7) Восстановление прав собственности,
- 8) Разрешение аграрного вопроса Учредительным собранием,
- 9) Восстановление промышленности и путей сообщения с отменой социализации, национализации и анархо-синдикализации предприятий при удовлетворении нужд рабочих,
- 10) Поднятие народного образования,
- 11) Свобода вероисповеданий,
- 12) Признание за Сибирью и другими отдельными областями права на автономию при условии сохранения единства России.

Вступая в исполнение возложенных на себя ответственных перед Родиной обязанностей, я твердо верю, что в этом трудном деле встречу искреннюю поддержку и помощь всех верных сынов России.

Июля 9 дня, 1918 г. Гродеково. Временный Правитель ген. – лейт. Д.Л. Хорват.

ЦИРКУЛЯРНОЕ СООБЩЕНИЕ БЮРО ПЕЧАТИ ДАЛЬСОВНАРКОМА ВСЕМ МЕСТНЫМ СОВЕТАМ

Июль 1918 г.

Командующий Никольским фронтом сообщает: среди чехословаков начался раскол, наши войска перешли в наступление, беженцы передают, что между авангардом чехословаков, находящимся в передовых рядах, и чехословацкими частями на ст. Раздольное идет перестрелка. Перестрелка началась вследствие того, что из Раздольного авангарду не было дано подкрепление... Сегодня рано утром сообщили по прямому проводу, что под давлением больших сил противника наши войска отступили на старые позиции, с тех позиций, которые заняли наши вчера при наступлении. Движение чехословаков дальше сдерживается нашими советскими войсками. Советская армия растет, прибывают рабочие, крестьяне и казаки, мобилизуется Красная гвардия и армия по всему краю... Чехословаки на Никольском фронте стреляют разрывными пулями, у них отобрано несколько японских винтовок. Из Никольска сообщают, что там открылся съезд горнорабочих. Вынесена революция о национализации приисков горных промыслов, предлагают на помощь выслать отряды красногвардейцев для борьбы с чехословаками.

Источник: Борьба за власть Советов в Приморье» (1917–1922 гг). 1955.

Газетные сообщения

«МИЛЫЕ СОЮЗНИКИ»

Англия, Франция, Америка, Япония и Италия когда-то считались союзными государствами России. Это было в то время, когда наш трудовой народ стонал под игом царя и проливал свою кровь на потеху и для наживы буржуев всех стран.

Но как только царь был свергнут и рабочие и крестьяне России взяли власть в свои руки, наши вчерашние союзники превратились в злейших врагов. Они не только бросали палки в колеса нашей работы, но и всячески поддерживали и рождали бессовестных авантюристов для разорения и опустошения трудовой России.

Стоит только вспомнить Каледина, Корнилова, Семенова, Хорвата, не забыть чехословаков – и для каждого станет ясно преступное и коварное отношение вчерашних союзников к нам. А так как все это проделывалось под громкими фразами о любви (!?) к нам, то так и прозвали Англию, Францию, Америку, Японию и Италию «милыми союзниками» в кавычках.

Наши «милые союзники», однако, не ограничиваются активной поддержкой Хорвата, Семенова и им подобных. Им также недостаточно постепенное душение населения Дальнего Востока голодом – они идут гораздо дальше. Они высаживают свои войска на территорию России, захватывают наши крепости, боевые припасы, разоружают нашу армию, а кто сопротивляется, как это было во Владивостоке, того расстреливают.

Таким образом, до оккупации всего края и Сибири англо-японо-французами один только шаг. И нет сомнения, что этот шаг будет сделан в недалеком будущем, конечно, под «милыми» заверениями еще более «милых» консулов, что все это делается для великодушного спасения нас от 200.000 вооруженных германских военнопленных в Сибири. А так как 200.000 армии вооруженных военнопленных нет, то они выдумываются теми же крайне прилично-нахальными «спасителями» для отвода глаз современных простаков.

Поведение «союзников» вполне понятно. Им невтерпех рабоче-крестьянское правительство России, ее советы и вся грандиозно вспыхнувшая здесь социалистическая революция. Они боятся ее, как огня, как только хищник может дрожать, когда намеченная им жертва выскользает из его лап.

Нашим «союзникам» также желательно, чтобы Россия стала колонией Англии, Японии или Америки. Им необходимо закабалить нас в рабство капитала и наложить на нас цепи самодержавия.

Спрашивается, если уже сила в руках, то зачем разыгрывать постыдную роль «милых союзников» и непрощенных спасителей.

Не лучше ли снять никому не нужную (разве глупцам?) маску и просто затянуть наброшенную петлю на шее русского народа.

Это будет и проще, и яснее.

Зато русский народ скорее раскусит, кто такие «милые союзники».

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ?

Сведения из Владивостокских газет с 25 по 28 июля.

Приморское земство приглашает иностранцев.

На заседании Приморской земской управы 26 июля принята следующая резолюция.

События, имевшие место 29 и 30 минувшего июня во Владивостоке и его окрестностях, создали для Приморской областной земской управы фактическую возможность, после двухмесячного вынужденного перерыва, с 1-го сего июля возобновить свою деятельность.

Одним из решающих обстоятельств к возобновлению деятельности органа законной местной власти явились стратегические операции чехословацкого командования, ныне распространяющиеся на всю Приморскую область и с 6-го июля для Владивостока и его окрестностей расширенные до участия в них всех соединенных союзнических сил, действующих по общему плану.

Приморское областное земство склонно рассматривать эти стратегические действия союзных сил в области, как действия, направленные к приближению решения общей для русского народа и союзных держав задачи восстановления русского фронта против Германии, и в то же время выражает полную уверенность, что военная помощь союзников будет протекать в условиях и формах, гарантирующих самостоятельное, спокойное и твердое разрешение законными органами местной государственной власти всех внутренних и политических вопросов, при полной неприкосновенности верховых и территориальных прав русского народа.

В правительстве автономной Сибири

В виду десанта.

В виду того, что приближается момент, когда десант иностранных войск в крупном масштабе будет введен на русскую территорию, совет министров предлагает назначить лицо,

которому поручены были бы все сношения с иностранцами. Лицо это будет действовать согласно указаниям правительства автономной Сибири и обязанности сведутся к функциям высших военных властей (форма эта еще не предreshена окончательно).

Тревожные слухи.

Во вторник вечером в помещении совета министров состоялось совещание по поводу распространяемых слухов о том, что в ночь на среду «известные круги» собираются совершить переворот. В заседании принимали участие полковн. Краковецкий, председатель совета И.А. Лавров, предст. города д-р Гирса, майор Дунлоп и др. Все присутствовавшие высказались в том смысле, что если будет найдено необходимым, то будет принят ряд предупредительных и решительных мер от имени земского и городского самоуправлений.

СУДЬБА АРЕСТОВАННЫХ

Агентами сибирского правительства и некоторыми представителями «дружественных» держав распространяются слухи о чрезвычайно гуманном обращении с арестованными во Владивостоке советскими деятелями. Больше того, нахально пускается в обращение утка о том, что там никого и не арестовывали. И все заключенные являются лишь гостями чехословаков, согласившихся им дать приют во избежание самосудов толпы.

Приводимая нами передовая статья из «Голоса Приморья» «К милосердию и правосудию» ставит вещи на свое место.

Наши тюрьмы наполнены «политическими» заключенными, аресты производятся и чехословацкими нарядами (правда, наиболее осторожно), и агентами «Сиб. Вр. Пр.», чуть не всяким прохожим, который готов тащить в каталажку большевика.

Эксцессы наших «правителей» и толпы, конечно, основаны на чувстве голого страха, а не разумной политической мысли, и чем скорее право сажать людей в тюрьму перейдет в руки независимого суда, тем более выиграют интересы и антибольшевистского движения, и высокие интересы правосудия, – правосудия, а не политической мести, слепой и жалкой всегда, даже и тогда, когда она кажется заслуженной.

Говорят, что наши большевистские верхи Владивостока, даже и не захваченные с оружием, будут подвергнуты военному суду временного правительства.

Может быть, это и не совсем так, но мы бы хотели, чтобы суд над этими лицами был судом общественным, чтобы с этим судом не торопились, ибо нельзя судить тогда, когда еще пылают политические страсти, глуша робкие голоса справедливости и права.

Надо всем нам помнить, что на руках громадного большинства владивостокского исполнительного комитета совдепа нет крови граждан, что Суханов и его товарищи, несомненно, заблуждались, много зла причинили всему краю и России, но, действуя так, они были лишь пешкой, которой двигали другие.

Русский суд, суд общественной совести, независимый и, поскольку это возможно в условиях нашего междоусобия, беспристрастный, должен взвесить меру вины всякого.

Но не нужно спешить и сеять вновь суровыми и поспешными мерами взаимную рознь.

ЗАЯВЛЕНИЕ

чехословацкого командования об арестованных

Задержанные и имеющие быть задержанными в будущем представители бывшей советской власти, в виду документально установленной тесной связи их с организацией и вооружением во всей Сибири мадыаро-германских отрядов, освобождению не подлежат, пока чехословацкие войска не обеспечат себя совершенно в России от угрозы нового германо-мадыарского выступления, под каким бы видом оно ни провозглашалось.

Чехословацкое командование.

Газета «Дальне-Восточные Известия» (Хабаровск), 6 августа 1918 года.

ПРИКАЗЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

24 июля 1918 г. № 156.

Всем районным, волостным и сельским советам Дальнего Востока

В настоящий момент, когда защитники рабоче-крестьянской революции сражаются против палачей чехословаков и белогвардейских банд, враги трудового народа, в лице буржуазии и ее приспешников, разъезжая по всему краю, ведут преступную агитацию против трудового народа, и своею гнусною ложью стараются внести рознь в рабоче-крестьянскую семью, что в настоящий момент недопустимо, когда нужно тесное единение для дачи отпора всем посягательствам на права рабочих и крестьян.

Дальне-восточный совет народных комиссаров предлагает всем районным, волостным и сельским советам Дальнего Востока, коими будут замечены лица, агитирующие против советской власти рабочих и крестьян, немедленно задерживать и предавать военно-полевому суду по всем строгостям военного времени.

Исполнение настоящего приказа возлагается на президиумы советов.

В предупреждение злостолкований разъясняется следующее:

В силу настоящего приказа не допускается агитация против рабоче-крестьянских советов, как учреждений Российской республики. Что же касается отдельных лиц, поставленных народом у власти, то все эти лица, без всякого исключения, являются ответственными перед народом за свои действия и поэтому всякий гражданин, если он обнаружит какое-либо злоупотребление, допущенное должностным лицом, может и даже должен доводить до всеобщего сведения и виновные будут нести наказания по всем строгостям революционного и военного времени.

3 августа 1918 г. № 170

В виду того, что некоторые фирмы, а также граждане... с недоверием относятся к выпущенным отделением государственного банка, на основании приказа дальсов-наркома государственному банку от 27 июля с.г. за № 162, опубликованному в № 134 за 1918 г. в «Дальне-Восточных Известиях», акцептованным чекам и анулированному «Займу Свободы» облигациями в 500 и 100 рублевого достоинства по курсовой стоимости по 85 руб. за сто, с купоном на срок 16-го марта 1918 года, дальневосточный совет народных комиссаров настоящим оповещает население края, что, согласно вышеприведенному приказу банку, выпущенные банком акцептованные чеки и облигации «Займа Свободы» обязательны к приему как частными лицами, так равно и учреждениями и торговыми фирмами, наравне с другими государственными денежными знаками.

Товарищ председателя дальневосточного совета народных комиссаров А. Калинин.

Комиссар советского управления Ф. Гапон.

Секретарь совета Бушуев.

Газета «Дальне-Восточные Известия» (Хабаровск), 6 августа 1918 г.

СОБЫТИЯ НА КИТАЙСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

... 27 апреля [1918 года] в Пекине состоялось Общее Собрание Акционеров О-ва КВЖД, на котором ввиду невозможности, в связи с политическими событиями, сношений с Петроградом, было избрано новое Правление в следующем составе: члены Правления – ген. – лейт. Д.Л. Хорват, А.И. Путилов, вице-адмирал Колчак, инж. Д.А. Устругов, граф В.С. Езерский, Н.А. Коновалов, З.В. Слаута и Ян-Ци-Шин. Впредь до приезда Товарища Председателя А.Н. Вентцеля несение его обязанностей временно возложено на ген. Д.Л. Хорвата. 28 апреля инж. В.Д. Лачинов вступил в исполнение обязанностей Управляющего дорогой...

[В связи с началом введения союзных войск]... признавалось необходимым, прежде всего, ликвидировать советскую власть и создать взамен советской власти национальную, которая должна объединить разрозненные попытки, направленные к свержению большевистской диктатуры, создать условия нормальной государственной жизни и восстановить боеспособную армию. Далее резолюция указывала на необходимость помощи в этом деле со стороны союзников на условиях сохранения в неприкосновенности территории Русского Государства и полного невмешательства во внутренние политические дела.

Характерно, что к этой точке зрения присоединился и местный отдел партии с. д., признавший в своей резолюции, что необходимым условием для восстановления России является создание авторитетной власти, опирающейся на широкие слои демократии, причем такой именно властью ими признается правительство Сибири, избранное областной Сибирской Думой, каковое правительство должно было обратиться к союзникам за помощью.

Совсем иное отношение встретили обращения к союзникам политических совещаний 18 и 20 июня со стороны местных рабочих организаций, которые признали резолюции этих совещаний незаконными, а ввод иностранных войск на территорию России нежелательным и могущим повести к «уничтожению завоеваний революции».

К этому времени в целях поднятия дисциплины в войсках полосы отчуждения Главноначальствующий Д.Л. Хорват издал приказ о восстановлении воинских уставов и законов, существовавших до 1 марта 1917 г.

8 июля [1918 года] Сведения о перевороте, произведенном при участии чехословаков во Владивостоке, были получены в Харбине 2 июля, и сразу же Управлением дороги были приняты меры к восстановлению движения поездов до Владивостока.

К моменту этого переворота так называемое Сибирское правительство Дербера было уже во Владивостоке и поспешило взять в свои руки бразды правления над освобожденными частями Дальнего Востока.

Одновременно противобольшевистские отряды начали наступление в смежные русские области, причем Семёнов быстро стал продвигаться на север, пока не встретился на ст. Оловянной с шедшим с запада отрядом полковника Пепеляева, чем было закончено занятие всей линии дороги от Самары до Владивостока.

Калмыков со своим отрядом двинулся на Никольск, здесь присоединился к японцам и чехословакам и с ними двинулся на север к Спасску, а отряды Орлова и др. возглавляемые ген. – от-кавалерии М.М. Плешковым, двинулись в Приморье.

8 июля [1918 года] по распоряжению ген. Хорвата вновь вступил в исполнение своих обязанностей помощник Управляющего дорогой по гражданской части ген. М.Е. Афанасьев, отстраненный от должности в марте 1917 года по инициативе Исполнительного Комитета.

Ген. Хорват выехал с экстренным поездом на восток. Прибыв на ст. Гродеково 9 июля [1918 года], ген. Хорват объявил о принятии им на себя всей полноты государственной власти и звания Временного Правителя, выпустив соответствующее воззвание к населению. В заключительной части этого воззвания ген. Хорват заявлял, что он решил взять на себя всю полноту государственной власти впредь до восстановления при содействии народа порядка в стране и до созыва свободно избранного Учредительного собрания, которое установит образ правления Российского государства...

В состав образованного ген. Хорватом Делового Кабинета вошли: С.В. Востротин, в качестве Председателя и Управляющего ведомством торговли и промышленности, С.А. Таскин – Управляющего ведомством земледелия и государственного имущества, М.О. Курский – Управляющего ведомством исповедания, А.М. Окорочков – Управляющего ведомством продовольствия, Л.А. Устругов – Управляющего ведомством Путей Сообщения, А.И. Путилов – Управляющего Ведомством Финансов, ген. В.Е. Флуг – Управляющего Военным Ведомством, В.А. Глухарев – Управляющего делами.

Выступление ген. Хорвата встретило сочувствие и поддержку лишь со стороны цензовых и так называемых «государственно-мыслящих» элементов Владивостока и Харбина, для которых эсеровское Сибирское Правительство являлось совершенно неприемлемым, и наоборот, земские и городские управления Приморской области, находившиеся в руках с.р., совершенно категорически высказались против единоличной власти ген. Хорвата и признали Сибирское правительство. Расчёт Делового Кабинета на поддержку союзников тоже не оправдался.

К разгоревшейся борьбе между двумя вышеупомянутыми течениями чутко прислушались Харбин и полоса отчуждения, и со своей стороны, так или иначе, реагировали на неё.

Так, 12 июля в Харбине состоялось объединённое заседание Харбинского и Амурского комитетов к-д., которое определенно высказалось против притязания «группы до сего времени никому неизвестных честолюбцев, именующей себя Сибирским правительством». В таком же смысле высказался Дальневосточный Комитет защиты Родины, городские общественные управления в Харбине, Хайларе, Маньчжурии, Харбинское Общество домовладельцев, собрание представителей Биржевых Комитетов Сибири и Дальнего Востока (11 июля), Пограничный Окружный Суд и др.

Само собой разумеется, что, наоборот, левые организации, как например Центральное бюро профессиональных союзов, высказалось против ген. Хорвата: «Трудящиеся Харбина никогда не будут признавать правительство ген. Хорвата, ибо видят в нем залог надвигающейся реакции», считая, что наиболее приемлемым для них является «правительство автономной Сибири». Левая пресса в Харбине резко высказывалась против ген. Хорвата в защиту Сибирского Правительства.

В этот период по распоряжению ген. Плешкова была закрыта левая газета «Труд» и затем вышедшая взамен ее «Путь Труда», причем редактор последней Дыханский был арестован и дело о нем передано в Окружный Суд.

Администрация не ограничилась этими репрессивными мерами, вскоре последовало запрещение ряда собраний, посвящённых политическим вопросам. Относительно железнодорожного союза приказом по Управлению был отменено обязательное участие в нём служащих, а предоставлено это их собственному желанию. В конце июля [1918 года] главновластвующим в полосе отчуждения [КВЖД] был назначен ген. – от-кавалерии Плешков. В то же время был учрежден в полосе отчуждения военный суд.

Как было отмечено выше, отряды атамана Семёнова подверглись во второй половине июля сильному натиску со стороны советских войск, почему были принуждены совершенно оставить Забайкалье и перейти на китайскую территорию. Достаточными для этого военными контингентами на Дальнем Востоке и потому участие их в вооруженной интервенции в Сибири носило скорее демонстративный характер и во многих случаях сводилось к простому вмешательству в русские дела, впоследствии этим вмешательством они не столько помогали Сибирскому правительству, а позднее правительству Колчака, сколько мешали им, быть может, сознательно.

Единственной реальной силой на Дальнем Востоке в это время обладали японцы, но опасения союзников возможности больших притязаний со стороны Японии сделали то, что роль её была фактически ограничена охраной части Забайкальской, Амурской и Приамурской областей. Позднее значение японцев свелось к поддержке атамана Семёнова и Калмыкова в их выступлениях против адмирала Колчака, чем было окончательно подорвано и без того слабое положение последнего.

Перед вступлением войск союзников на русскую территорию союзные правительства опубликовали соответственные декларации, разъяснявшие русскому населению цели этой военной экспедиции.

Японское правительство указывало, что союзники вводят свои войска в пределы России исключительно с военной и антигерманской целью. Оно будет воздерживаться от вмешательства во внутренние дела России.

Сообщение правительства Соединённых Штатов было составлено не ясно. В нём заметно сужена программа выступления союзников, намеченная японским правительством. Вашингтонское правительство говорит, что в восстановлении фронта со стороны России против Германии нет надобности. Задачи союзной интервенции сводятся единственно к выручке чехословаков, чтобы дать им возможность выехать из России на западный фронт. Главная забота соединенных Штатов состоит в охране военного имущества, проданного Америкой России и находящегося в портах Владивостока, Мурман и Архангельска.

Что касается декларации Британского правительства, то она отличалась от деклараций Соединённых Штатов большой прямоотой и ясностью. В своем обращении Англия заявляла, что, вступая в пределы России с целью поддержать в борьбе против Германии, она не удержит ни одной пяди русской территории. Далее говорится: «Мы не имеем намерения навязать этой стране ту или иную политическую систему: судьба России находится всецело в руках русского народа, и только он может устроить форму правления в своей стране и разрешить социальные задачи». Кроме того, говорится о широкой экономической помощи.

Относительно вступления французских войск в Россию эмиссар французского правительства в Сибири, между прочим, заявил, что будет стремиться к соглашению между различными политическим группировками.

Итальянское правительство по поводу своего вступления заявляет о твёрдом решении не вмешиваться во внутренние дела России и что в своих действиях будет руководствоваться единственным желанием помочь в той мере, которая окажется наиболее отвечаемой воле русского народа.

Первыми прибыли в Харбин направляющиеся в Забайкалье эшелоны чехословаков (12 августа), затем японские (17 августа), китайские (22 августа), английские (2 октября), французские (3 октября) и, наконец, 17 октября [1918 года] итальянские. Большая часть войск проходила через Чань-Чунь, остальные прибыли из Владивостока.

В связи с прибытием в Харбин иностранных войсковых частей Главноначальствующим был издан приказ, устанавливавший согласно ст. 52 устава воинской службы обязательное отдавание чести чинам союзных войск.

Однако с самого начала прибытия союзных отрядов стали возникать всякого рода столкновения между ними и местным населением на почве мародерства или бесцеремонного хозяйничанья иностранцев. Происходили также конфликты между отдельными частями союзных войск, нередко кончавшиеся человеческими жертвами. Часто недоразумения возникали по вине китайцев, японцев, а также американцев, весьма редко англичан, и почти никогда французов. Чехословакии не составляли исключения...

Е.Х. Нилус. Краткий очерк важнейших политических событий пореволюционного периода (1917–1924 гг.), влиявших на деятельность Китайской Восточной железной дороги.

Источник: журнал «Русская Атлантида» (Челябинск), № 36, 2010.

Н.А. АНДРУШКЕВИЧ. ПОСЛЕДНЯЯ РОССИЯ: ВОСПОМИНАНИЯ О ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ.

[Н.А. Андрушкевич занимал административные и выборные должности во Владивостоке в 1918–1922 годах (в том числе был председателем совета Второго съезда несоциалистического населения Дальнего Востока, председателем городской думы Владивостока

и председателем Народного собрания), занимался журналистикой, редактировал «газету сатиры и юмора» «Блоха» в 1920 году и газету деловых кругов «Слово» (1920–1922 гг.)].

... Дальний Восток – это последняя Россия, которую мы пытались удержать от порабощения советской властью, в которой мечтали возобновить дело освобождения всей России. Мечтам нашим не удалось осуществиться, и наше дело не получило благословения Бога.

В октябре 1922 года и нам пришлось покинуть родные пределы.

События 1920–1922 годов вытекают из событий предыдущих и теснейшим образом связаны с освободительным движением, возглавлявшимся адмиралом Колчаком. Я принимал тогда [в нем] некоторое участие, с первых дней моей службы, под властью Верховного.

В ноябре 1918 года английский пароход «Dunega» медленно двигался от Бомбея на север. На корабле находился: батальон 9-го Гемпширского полка и человек 15 русских офицеров, и в числе последних – я...

Наконец, пришли. Кто-то уже увидел берег. Темнело. Мы, и русские и англичане, столпились на палубе у борта и жадными глазами впивались в ту сторону где была Россия... О чем думали в ту пору англичане, я не знаю, но нас, русских, охватывали странные чувства.

Итак, наконец, мы у ворот родного дома. Дни вежливого, но холодного гостеприимства в рядах английских войск – кончились. Теперь англичане будут нашими гостями. А что последует дальше?

Пароход застыл на внешнем рейде Владивостока. Слева, то вспыхивая, то потухая, светили огни маяка, а огни города показались лишь глубокой ночью, когда ветер разогнал туман. Спалось плохо, на рассвете подняли якорь, обогнули мыс и медленно пошли вдоль всего Владивостока по бухте Золотой Рог.

Пароход, наконец, пристал. С шумом спустили сходни. Первым сошел оркестр, а мы, русские, на русскую землю сошли последними.

Англичан встретили и русские, и английские власти и сейчас же повели в казармы, а мы оказались сиротливо одинокими, предоставленными самим себе среди пустырей в так называвшемся Гнилом Углу Золотого Рога. Постояли и пошли, кого-то встретили, кого-то расспросили и дошли до линии трамвая.

Найти комнату во Владивостоке оказалось делом трудным. Все, что было лучшее, и все гостиницы оказались отобранными для господ иностранцев. А главная улица Владивостока – Светланская, не казалась вовсе улицей русского города, казалось, что на этой длинной и красивой улице не было дома, на котором не развивался бы иноземный флаг. Кое-где среди флагов великих держав торчали флаги совершенно неизвестные: польские, чешские, грузинские, латвийские...

Незадолго до нашего прибытия в Омске произошла перемена власти. Власть директории из пяти лиц, из коих трое были социалисты-революционеры, была заменена единственной властью адм. Колчака. Но это событие мало волновало граждан Владивостока. За последние полтора года они перевидали множество правительств – Керенского, большевиков, Кости Суханова – сына владивостокского вице-губернатора, аптекаря Дербера, земской управы, чехов, ген. Хорвата и достаточно устали от всех этих перемен.

Колчак и его правительство были далеко. На Урале сражалась с большевиками молодая армия, но это было еще дальше. А во Владивостоке почти все лучшие казармы бывшего гарнизона крепости заняты иностранными войсками. Японцы стояли часовыми у русских пушек, на русских фортах. Японцы вообще преобладали. Держали себя скромнее всех, но время в праздности не проводили.

На некоторых перекрестках улиц стояло сразу по три милицейских: кроме растерзанного русского, еще долговязый разбитной американец и маленький, коренастый японец. По всем улицам свободно разгуливали наши военнопленные солдаты, австрийские, чехи...

Впрочем, часть казарм остались за нами. Возле казарм, занятых нашими ротами добровольцев, шли учения. Было невыразимо приятно видеть старых солдат в порядке, подтянутых, опрятно одетых, в погонах.

Настроение в городе было спокойное и уверенное. Никто не допускал возможности возврата большевиков. С объединением Сибири и Дальнего Востока и сосредоточением власти в руках адм. Колчака закончилась нудная, говорливая, бестолковая власть социалистов-революционеров. Последние продолжали оставаться в земстве и в кооперативах, на их воззвания и речи уже не обращали внимания...

В ту пору ген. Хорвата, верховного уполномоченного всероссийского правительства на Дальнем Востоке, не было во Владивостоке, и я представился ген. Романовскому, как представителю Верховного правителя при союзном командовании. Узнав, что я не только кадровый военный, но и юрист и бывший земский начальник, ген. Романовский посоветовал мне представиться помощнику ген. Хорвата по гражданской части Глухареву...

Речь зашла о назначении меня на должность помощника Приморского областного правительственного комиссара... Комиссаром был бывший владивостокский городской голова Иван Иннокентьевич Циммерман, выдвинутый на эту должность владивостокской общественностью... Он посоветовал мне прямо: не идти к нему в помощники и не зарываться в ворохи бумаг, а идти на живое дело – управление уездом. Имелась свободная должность правительственного комиссара Иманского уезда... Я с радостью согласился на предложение Циммермана...

В Приморской области объявлен Указ Верховного правителя о призыве новобранцев. Указ отпечатан на огромных листах красной бумаги. Это было хорошо. Если подпись адм. Колчака ничего не говорит мужику, то, может быть, на них повлияет привычный и знакомый вид указа о призыве...

Путешествие чехов по Сибири охраняли почти все державы мира. Здесь были сербы, румыны, итальянцы, поляки, французы, англичане, канадцы, китайцы и ананиты. Но все эти иностранные части были незначительны и тонули в количестве американских и особенно японских войск.

Японцы высадили 4 дивизии. Этих войск было, пожалуй, вполне достаточно для уничтожения всех большевицких армий и занятия Москвы. Японские войска дошли только до Иркутска. Значительно меньше, кажется, около 10 тыс., было американцев, и занимали они преимущественно Приморскую область.

Японцы приучились к нашим морозам, обучались стрельбе на морозе, везде чувствовали себя солдатами и не распускались.

В местах расположения американских войск был сильный разгул и днем и ночью. Но при всем том американский солдат несомненно явится на войне сильным противником. Впоследствии, в бытность мою председателем народного собрания, мне пришлось побывать на американском крейсере, прибывшем во Владивосток...

Англичане держали себя так, как будто они были в своей колонии. Они нас сторонились, но были вежливы.

Французов было очень мало.

Хмурые, нелюдимые сербы были скромны.

Итальянцы оставили после себя, пожалуй, наилучшие воспоминания, с ними охотно сходились и дружили. Над робкими румынами посмеивались. На Дальнем Востоке и Сибири было много поляков. Они служили на русской службе офицерами, судьями, врачами, инженерами, лесничими...

Когда я наблюдал жизнь японского населения на Дальнем Востоке в городах (лавочники, ремесленники), мне казалось, что японцы были заняты мыслью о захвате наших областей.

А почти открытая враждебность в отношении Верховного правителя и такая же открытая поддержка атаманов лишь утверждала мое мнение о скрытых замыслах Японии...

Японцы тщательно изучали край. Отношение японцев к русским властям скорее грубое, грубость была природной, азиатской, а не злобной...

Белое дело. В 6 т. Т. IV. Берлин, 1928.

Источник: Дело не получило благословения Бога. 1992.

ТЕЛЕГРАФНОЕ СООБЩЕНИЕ СОВЕТНИКА МИДА ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В.Э. ГРЕВСА

Владивосток, 6 ноября 1918 года.

[О содержании беседы с командующим американскими войсками У.С. Грэвсом].

В разговоре со мною генерал Грэвс настойчиво указывал, что Америка не преследует в России никаких личных целей, а лишь стремится оказать самую широкую помощь доставкою населению необходимых товаров по дешевым ценам. При этом он объяснил, что признание правительства может последовать, когда Америка убедится в его общепризнанности и прочности. До той же поры признание было бы неосторожно. Ввиду того, что до сих пор Америка в своей деятельности в России не проявляет ни малейшего стремления войти хотя бы в фактическую связь с правительством и его органами, я объявил Грэвсу, что, оставляя в стороне вопрос о признании, Америка если желает, чтобы ее помощь была планомерна и целесообразна, не может при доставке и распределении товаров действовать вполне самостоятельно, без контакта с правительством, которое обладает надлежащими данными о степени нужды в отдельных товарах в тех или иных местностях и что желание

Америки быть осведомленною о нуждах и желаниях населения ближе всего может быть удовлетворено правительством, сосредотачивающим в своих руках нужные сведения и знающим общие нужды страны лучше, чем отдельные представители и даже организации. Эти доводы, по-видимому, приняты им во внимание, и я полагаю, что именно на такой практической почве легче всего побороть недоверие Америки к правительству и заставить ее войти с нами в сношения. Было бы желательно побудить Бахметьева проводить эту точку зрения.

ГАХК. Ф. П. 44. Оп. 1. Д. 215. А. 4.

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

К.В. САХАРОВ. БЕЛАЯ СИБИРЬ: ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА 1918–1920 гг.

[К.В. Сахаров, генерал-лейтенант (1919), участник Первой мировой войны. С августа 1918 – начальник гарнизона острова Русский во Владивостоке, в январе-марте 1919 года – представитель генерала Деникина в Ставке адмирала Колчака].

[1918 г.]

... В Харбине и полосе отчуждения КВЖД управлял ген. Хорват, знавший отлично местные условия и весь край, пользовавшийся большим авторитетом даже среди китайцев. Он признал Директорию, но, понятно, продолжал вполне самостоятельно управлять Дальним Востоком.

... Владивосток – жемчужина России. Как говорил ген. Нокс, это самый красивый и живописный город в мире по своему расположению, только неблагоустроенный и грязный.

– Если бы он попал в хорошие руки... – добавил он.

Упаси Господи! Будут и русские руки хорошими, будут еще, может быть, самыми лучшими, для Владивостока и для всей Русской земли, – во всяком случае.

Владивосток представлял из себя какой-то хаос, еще не установившийся после свержения там большевиков, беспорядок и неустройство здесь были самые большие из всех мест. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Был губернатор Циммерман, был комендант крепости полковник Бутенко, но оба оказались бессильными и тратили все свое время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными друг другу элементами, что нахлынули сюда.

Дело было так. Большевиков выгнали из Владивостока чехи под командой генерала Дитерихса, при помощи и поддержке японских частей, на помощь направлялся и отряд русских офицеров, но чехи их не приняли и даже требовали разоружения. Тотчас же вслед за свержением советской власти во Владивостоке образовалось с одной стороны правительство эсеров, еврея Дербера, и земское, а с другой стороны – междусоюзнические советы из неполномочных и случайных иностранных офицеров, оказавшихся во Владивостоке, миссии тогда еще не прибывали. Когда русский отряд полковника Бурлина все же пришел во Владивосток, приехал также сюда ген. Хорват, чтобы объединить власть во всем крае Дальнего Востока, то этот случайный «союзнический» совет по настоянию эсеров потребовал разоружения отряда Бурлина. На русской земле разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь из офицеров! И этот позорный акт совершился. И совершили его именем союзников России, опираясь на их авторитет и силу. Когда через несколько недель начали прибывать настоящие представители союзников, то дело решили поправить и оружие вернули.

Самозванное правительство Дербера, не опиравшееся ни на один слой населения, пало само собою, безболезненно. Во главе управления Дальним Востоком стал ген. Хорват, который и переехал из Харбина во Владивосток. Сюда же был назначен ставкой ген. Ю.Д. Романовский, как представитель центральной власти при иностранных союзнических миссиях. Здесь же находился в это время и ген. Иванов-Ринов, который по сформировании в Омске нового кабинета перестал быть военным министром, оставаясь номинально командующим Сибирской армией.

Во Владивосток прибывали да прибывали союзники. Здесь были воинские части японцев, высадились английские Мидльсекский, а затем и Хемпширский батальоны, канадские войска и американцы. Был образован международный совет, причем главное командование союзными войсками и представительствование на этом совете было номинально вручено, как старейшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по-своему, мало считаясь не только с русскими людьми, но и с русскими интересами.

Больные и обидные воспоминания! Как раз в пути, между Читой и Маньчжурией, было получено известие о заключении перемирия на французском фронте между союзниками и центральными империями, о революции в Германии, о бегстве кайзера и т. д.

Долгожданная победа была достигнута, четыре года, страданий и великих жертв принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая так обильно на полях всего света, служила вместе с другими тем фундаментом, на котором теперь должны были утвердиться мир, право и справедливость. Ведь из-за них воевало человечество?..

Английские офицеры шумно радовались победе. Они выражали с чисто офицерской искренностью мнение, что без России и ее жертв никогда бы им не получить этой победы. Да, верно, истина. Но из-за этих-то великих жертв и из-за медлительности, из-за затяжки войны, из-за того, что от России потребовали слишком большого напряжения, наша страна не выдержала и впала в такое несчастье, в степень губительного разорения. А понятно, если бы Россия не вступила в войну или, вступив, не жертвовала так беззаветно, то Антанта никогда не выиграла бы войны.

Как теперь отнесутся к нам бывшие союзники? Во что теперь выльется их призыв к Русскому народу? Понятно, все, что обещалось, будет выполнено, несомненно, останутся прежние отношения к вам, как к нашим близким союзникам, – так отвечали англичане.

Но то, что пришлось видеть с первых шагов во Владивостоке, било не по самолюбию даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранец чувствовал себя господином, барином, третируя русских, проявляя страшное высокомерие. Было впечатление, что теперь, когда долгая война окончилась, им совсем не до нас, что они делают величайшее одолжение, приехав сюда, оставаясь здесь.

Надо отдать справедливость, что лучше всех относились японцы, их офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность, чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружественное понимание нашего несчастья и временного характера его.

Хуже всех было отношение домашних, так сказать, интервентов, войск, сформированных из наших бывших военнопленных.

Лучшие здания в городе, все вагоны, места в поездах отдавались иностранцам, наши соотечественники как бы согнули спину и тащили на себе их, ожидая спасения. Ведь

была обещана помощь, призывали к совместной борьбе с немцами и большевиками. Немцы выбыли из строя врагов, в Версале собралась мирная конференция, но другой-то враг, большевики, остались. И русские люди ждали от интервентов помощи, верили в нее.

В первой половине ноября прибыл во Владивосток со своим штабом французский генерал Жанэн. Ступил он на русскую землю, приветствуемый, как избавитель, как заранее признанный герой. На приветственные речи Жанэн отвечал определенно и довольно ясно, обещая поддержку, самую активную, выражая веру в успех общего дела. Сюда же прибыл французский батальон, что-то около взвода их колониальных цветных войск, да одна батарея. И вслед за английскими батальонами французы двинулись по железной дороге на запад, к нашим боевым линиям.

Когда ген. Нокс объезжал фронт, его повсюду встречали не только дружественно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у самих. На его слова о помощи заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат – необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давнее обещание союзников о помощи не одни слова. Атаман Дутов в тяжелые дни Оренбурга прислал телеграмму ему в Омск: дайте мне одну роту французских или английских войск, и я отстою Оренбург, а то казаки уже не верят словам о помощи союзников.

В ответ мы слышали, что помощь будет, но не сейчас, что надобно подождать, не все еще готово, войска еще в пути. Мы ждали и верили.

Не все было благополучно и на остальном обширном пространстве Сибири.

Партии социалистов-революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А где было можно, там они действовали и в открытую.

Таким обетованным местом для них являлся Владивосток, благодаря интернациональному характеру, приобретенному этим городом с 1918 года от массы наехавших туда интервентов. К декабрю 1918 года здесь были уже полностью все военные миссии, прибыли высокие иностранные комиссары, в Сибири сосредоточились войска японские, британские, американские, немного итальянских и чехи, а на рейде стояли военные суда всех наций. При этом, чем дальше шли переговоры в Версале, тем неопределеннее и запутаннее было отношение здесь этой разношерстной массы. Как-то вышло, что войска бывших союзников, прибывшие в Сибирь, чтобы образовать общий с русскими фронт против немцев и большевиков, теперь на этот фронт не шли – война с немцами была кончена, а «вмешиваться в наши внутренние дела» союзники не желали.

Вместе с тем во Владивостоке некоторыми из союзных представителей допускался прямой контроль именно над чисто внутренними распоряжениями русской власти, здесь как раз и было вмешательство в наши внутренние дела. Особенно отличались этим два лица

одной из дружественных наций, ген. Гревс и его начальник штаба полк. Робинсон. Так, с их стороны последовал форменный протест, когда ген. Иванов-Ринов арестовал ряд вредных лиц, бывших в связи с большевиками и ведших пропаганду среди населения, призывавших его открыто к восстанию против правительства. Господа Гревс и Робинсон заявили, что они не могут допустить этого ареста и настаивают на освобождении, оставляя в противном случае за собою свободу действий. Затем с их стороны последовал новый протест, когда из Омска военный министр хотел сместить коменданта Владивостокской крепости полк. Бутенко, офицера в сущности неплохого, но впавшего слишком в сильную ориентацию на эту нацию и объединявшегося раньше с эсерами. Когда полк. Чубаков, служивший в этой иностранной миссии и работавший одновременно в противоправительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от ген. Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантии личной безопасности Чубакова и непредания его суду. А после этого Чубаков перешел, при первом удобном случае, на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в Чрезвычайную следственную комиссию (большевистскую чека). Можно было бы написать несколько томов, приводя все случаи подобного «невмешательства» – так их было много. Были даже документально установлены сношения с американской военной миссией некоторых шаек, восставших с оружием в руках в районе Сучанских копей и бывших фактически большевиками.

Много, может быть, и невольного зла причинили России эти представители интервенции, Гревс и Робинсон, но немало зла причинено ими и своему отечеству, ибо по их действиям Русский народ и общество судили о всей их стране. А в связи с другими агентами и мелкими представителями ее в Сибири, извращенно представлявшими здесь интересы своей страны, мнение о ней среди русских составилось крайне отрицательное. Это отразилось и на местной прессе, газеты день ото дня все едче и остроумнее писали о действиях этих интервентов и о иххозяйничанье на Дальнем Востоке. И вот в один день начальник миссии Гревс приехал к ген. Иванову-Ринову, как помощнику Хорвата, и просил, нельзя ли подействовать и надавить на газеты для прекращения неприятных фельетонов. Это уж совсем не вязалось с его прежними протестами, что он и его войска прибыли во Владивосток защищать всяческие свободы. Но надо оговориться: эти газеты были правого лагеря.

Нет сомнения, что многие из этих господ действовали по незнанию и полному непониманию того, что происходит в России, ни наших настроений, ни верований и надежд, но был и несомненно умышленный, организованный вред.

В декабре [1918 года], будучи по делам во Владивостоке, я заехал отдать визит полк. Робинсону, посетившему на Русском острове мою военную инструкторскую школу. Робинсон вышел, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и начал меня поздравлять, когда, видимо, на моем лице отразилось недоумение, он быстро скрылся и вернулся с переводчиком. Начался разговор.

– Поздравляю вас, генерал, скоро будет конец вашей гражданской войне. Мы получили известия из Версаля.

– ?!

– Союзники решили пригласить на Принцевы острова все русские партии: от большевиков, от генерала Деникина, от адмирала Колчака, от Юденича и из Архангельска, а также и от народа.

– С какой целью?

– Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.

Долго мне пришлось доказывать полк. Робинсону всю нелепость этого плана и неосуществимость, почти 1,5 часа затянулся визит, а в конце его почтенный полк. Робинсон с ясной улыбкой заявил мне:

– Нет, все это не так. Вот послушайте, что мне пишет миссис Робинсон из дому о том, как там у нас говорят ваши русские. – И он вытащил из письменного стола пачку писем своей жены. – А миссис Робинсон пишет даже в газетах!

Аргумент такой веский, что отбил у меня охоту говорить с ним когда-нибудь впредь.

Весьма характерный случай из этого разговора... В одном месте, почти в начале разговора, когда я разъяснил Робинсону задачи нашей армии и всего дела борьбы, я обнаружил, что переводчик отклонялся в сторону и плел уже от себя. Я остановил его и по-английски сказал, что моя мысль была совсем не та. Переводчик смутился... Он тоже был русский, но Моисеева закона... И большинство переводчиков было из того же изгнанного народа...

Во Владивостоке образовалась штаб-квартира эсеров, оставшихся в Сибири, другая часть их перекочевала в Москву и там открыла другой свой центр. Связь шла через Европу, – с одной стороны а с другой, – при помощи большевистских агентов через фронт. Во Владивостоке же они работали почти в открытую, готовили и проводили тот плащ который погубил дело русских людей, направленное на возрождение Родины. Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сеть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались в самой администрации. Верховный Правитель получил от директории в наследство аппарат, далеко не готовый и несовершенный, но со значительной дозой введенных в него партийных социалистических деятелей. Как уже сказано раньше, губернатором Иркутска был эсер Яковлев, и он оставался незаменным до последних дней. Он умел, когда нужно, явиться в золотых губернаторских погонах, в черном пальто с красной подкладкой, по-военному тянулся и часто прибавлял титул, а вечером того же дня он шел к своим «товарищам» в синей блузе, и они при его участии делали в его губернии свое дело. И сделали его.

В другом важном центре и университетском городе Томске губернатором был тоже партийный соц. – революционер Михайловский, который именовал себя поручиком и даже носил военную форму, надев вместе с нею и личину самого искреннего благожелательства к армии и лояльности. У Михайловского начальником контрразведки, т. е. тайной полиции, был еврей Д., бывший коммунистический деятель. В Томске была и другая контрразведка, военная, с талантливым тов. прокурора Смирновым во главе, Смирнов прямо задыхался, с невероятными трудами раскрывая заговоры, находил склады оружия, посылал обстоятельные и обоснованные доклады, но им ходу не давали. До самой весны 1919 года министром внутренних дел был также социалист Грацианов, приходившийся, вдобавок сродни губернатору Михайловскому. Между прочим, крепко было занято в Томске эсерами почтово-телеграфное ведомство, благодаря этому многие важные телеграммы, особенно шифрованные, возвращались или замедлялись, а также обо всех распоряжениях заблаговременно предупреждались их партийные деятели. В центральной конторе у чиновника Рыбака нашли в стене склад оружия, подготовленный на случай восстания, был произведен арест, начался процесс, который, увы, ни к чему не привел.

Следующей цитаделью их был Красноярск, где имела эсеровская тайная типография и где работал, скрываясь под чужой фамилией, один из наиболее вредных иудеев Дербер.

Как будет видно дальше, катастрофа, погубившая все дело, и грянула одновременно предательством в тылу армии, в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. И ведь это было все известно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнезда интернационала, но не было силы вырвать их с корнем и обезвредить.

Дальше работа эсеров направлялась в народные массы, для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными партийными работниками. «Синкредит», «Центросоюз» и «Закупсбыт» – три главных кооператива в Сибири – всецело были в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и готовились восстания.

Наконец, направлялись усилия проникнуть в действующую армию. К сожалению, и это удалось им сделать, не всюду, в одну лишь армию вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть круг...

Белая Сибирь. В 6-ти гл. Мюнхен, 1923.

Источник: Дело не получило благословения Бога. 1992.

ДОНЕСЕНИЕ УПРАВЛЯЮЩЕГО НОВОКИЕВСКИМ ТАМОЖЕННЫМ ПОСТОМ С. ДЬЯКОНОВА

владивостокскому таможенному инспектору

24 октября 1918 г.

Имею честь донести, что в понедельник 21 октября с.г. пришли в Новокиевск из Посъета японские войска – пехота и конница и разместились в жилых казармах и в хирургическом павильоне военного лазарета. С японскими войсками прибыл воинский груз, в числе коего много японской водки «саке», папирос, консервов и т. д. На другой день японцы разоружили корейское национальное войско в числе 40–50 чел., собранное ранее поручиком Бонгаем, расставили свои патрули на улицах Новокиевска и не пропускают ни одного корейца, которого бы не обыскали. Также обыскивают и русских жителей, что видел досмотрщик Хотимченко, будучи дежурным на пристани. Вчера же, 23 октября около 7 час. вечера обыскали и досмотрщика поста Хотимченко, который с поста шел к себе на квартиру. В Новокиевской управе отобрали все находящееся там оружие: трехлинейные винтовки, винтовки Бердана и револьверы, ранее отобранные у корейских солдат по приказанию командующего войсками Бутенко.

23-го же октября заняли каменноугольные копи в Посъете, принадлежащие Канивцу, сняли его рабочих-китайцев, запретили продавать уголь, почему жители остались без топлива. Телега, посланная мною за углем, вернулась порожней. Угля не дали. Угрожали Канивцу, что застрелят его. Канивец подал жалобу на японцев в управу, эту жалобу я видел лично. Японцы творят полный произвол как завоеватели.

Всего японского войска в Новокиевске человек 200. Также расставлены войска в Славянске, Барабаше, Посъете и других местах. Сейчас в Посъет пришел транспорт с английскими войсками. Об этом сообщил матрос с катера «Федя».

Управляющий постом С. Дьяконов.

АВПР МИД РФ. Ф. 324. Оп. 894. Д. 12. А. 218.

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СТЕНОГРАММЫ ДОПРОСА А.В. КОЛЧАКА

Иркутской чрезвычайной следственной комиссией 30 января 1920 г.

[О возвращении из Японии во Владивосток осенью 1918 года и последующей поездке в Омск].

... Из Японии я уехал беспрепятственно. Прибывши во Владивосток, я обратился к своим знакомым сослуживцам-морякам. В свою очередь, последние, узнав о моем приезде, обратились ко мне с просьбой, чтобы я им посвятил вечер и высказал свое мнение, что им делать, кому подчиняться и каково должно быть отношение морских офицеров и команды к существующему троевластию. [Имеются в виду Временное Сибирское правительств в Омске, Временное правительство автономной Сибири во Владивостоке и претен-

зии на власть управляющего КВЖД генерала Хорвата]. Я сказал, что я это сделаю, но прежде я прошу дать мне несколько дней, чтобы ознакомиться с тем, что делается во Владивостоке.

Владивосток произвел на меня впечатление чрезвычайно тяжелое – я не мог забыть, что я там бывал во время империи. Тогда мы были хозяевами. Это был наш порт, наш город. Теперь же там распоряжались кто угодно. Все лучшие дома, лучшие казармы, лучшие дамбы были заняты чехами, японцами, союзными войсками, которые туда прибывали, а наше положение было глубоко унижительно, глубоко печально. Я чувствовал, что Владивосток не является уже нашим русским городом...

Я считал, что эта интервенция, в сущности говоря, закончится оккупацией и захватом нашего Дальнего Востока в чужие руки. В Японии я убедился в этом. Затем я не мог относиться сочувственно к этой интервенции ввиду позорного отношения к нашим войскам и унижительного положения всех русских людей и властей, которые там были. Меня это оскорбляло... Затем самая цель и характер интервенции носили глубоко оскорбительный характер: это не было помощью России – все это выставлялось как помощь чехам, их благополучному возвращению, и в связи с этим все получало глубоко оскорбительный и глубоко тяжелый характер для русских. Вся интервенция мне представлялась в форме установления чужого влияния на Дальнем Востоке.

Во Владивостоке я получил первые сведения о Западно-Сибирском правительстве, которое тогда называлось правительством Вологодского. Затем я узнал, что в Уфе состоялось совещание, на котором было решено из Сибирского правительства образовать всероссийскую власть и что во главе этой власти будет стоять Директория в составе Авксентьева, Зензинова, Вологодского, Чайковского, Болдырева...

К этому времени как раз прибыла миссия Вологодского во Владивосток... И сейчас же, в тот или на другой день, Вологодский созвал представителей дерберовского правительства, которые моментально сложили свои полномочия и признали власть Сибирского правительства. Затем, по-видимому, земство тоже признало это правительство, и вслед за тем Хорват сказал, что он тоже подчиняется сибирской власти.

Я лично представлялся тогда Вологодскому, так как бывший с ним один из морских офицеров сообщил мне, что было бы желательно, чтобы я повидался с Вологодским. Я сделал ему визит, он был страшно занят, ни о чем серьезно не говорил. Я ему сказал совершенно определенно, что морские части, которые имеются здесь, безусловно подчинятся распоряжениям этого правительства. Затем эта миссия уехала, а я еще оставался, так как не мог никак выбраться из Владивостока, и в конце концов мне пришлось обратиться в чешский штаб. Сюда относится и первая моя встреча с Гайдой, который находился тогда во Владивостоке.

Я получил известие, что он желает меня повидать. Я пошел к нему в штаб и встретился с ним в здании бывшего порта, где он тогда находился. Я спросил его, в каком положении находятся все дела. Он мне ответил, что вся сибирская магистраль очищена совершенно от большевиков, что есть постановление союзного командования о том, чтобы чехи не уходили из России ввиду невозможности предоставить им тоннаж, а чтобы они шли на Урал, что на Урале теперь образуется чешско-русский фронт, который будет продолжать борьбу с большевиками... Гайда обращался в то время к Вологодскому относительно назначения себя главнокомандующим вооруженными русскими и чешскими силами...

Для меня было совершенно ясно, что чехи были поставлены в необходимость этой борьбы для того, чтобы выбраться из России... Мне представлялось, что они действуют совершенно самостоятельно, но что союзники им помогают...

Когда я прибыл в Омск, на ветке уже стоял поезд с членами Директории и поезд Болдырева, который был тогда назначен верховным командующим и прибыл со своим штабом в Омск...

Болдырев задал мне вопрос, что я намерен делать. Я сказал, что я хочу ехать на юг России, никакого определенного дела у меня нет, и я хочу выяснить вопрос, как туда проехать. Он мне сказал: «Вы здесь нужнее, и я прошу вас остаться...»

Через два дня после этого меня снова вызвал ген. Болдырев к себе в вагон и сказал, что он считает желательным, чтобы я вошел в состав Сибирского правительства в качестве военного и морского министра... В заседаниях Совета министров я встретил совершенно определенную атмосферу борьбы Сибирского правительства с Директорией. Я явился к председателю Совета министров Вологодскому и сообщил, что со стороны Болдырева есть такое-то распоряжение, и я стал являться туда как член правительства... Таким образом, я был назначен Болдыревым, не единолично, а от имени Директории...

Источник: Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни, 1991.

ИЗ РОМАНА ЖОЗЕФА КЕССЕЛЯ

«Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг.»

[Автор был во Владивостоке в этот период в составе Французского экспедиционного корпуса. Роман «Смутные времена...» написан им в 1975 году].

[1918 год]

... Однако, когда мы добрались до места расположения французской миссии во Владивостоке, тогда все остальное было забыто и потеряло значение. Чтобы в это поверить, надо было увидеть все собственными глазами. Из-за нехватки места миссию разместили в музее этнологии, археологии и естественной истории. Вдали от Омска, месторасположения ставки, французским офицерам приходилось работать среди скелетов гигантских китов, чучел сибирских тигров – самых крупных в мире, стрел, сделанных из костей, и прочей утвари каменного века.

Вот в какой обстановке мы впервые услышали о том, что происходит.

Порт Владивостока контролировали японцы, этим объясняется их далеко не последняя роль в этой сибирской истории. Нельзя было умалять и роли чехов. Они удерживали железную дорогу.

И тут история принимает удивительный оборот. Чехия против собственной воли входила в состав Австро-Венгерской империи. До завоевания в истории королевства была славные времена. В течение многих веков чехи вели борьбу за независимость, устраивая бунты и восстания. Имея славянские корни, они видели в России свою естественную покровительницу, а в русских – старших братьев. Когда началась Первая мировая война, взводы, роты и целые батальоны чехов дезертировали, чтобы присоединиться к русской армии. В 1917 году в России их объединили в армию численностью от 15 до 20 тысяч человек, хорошо вооруженную, с собственным командованием и движимую единственным желанием: вернуться на фронт и оказаться по другую сторону линии военных действий, откуда они бежали, сражаться против бывших хозяев, чтобы вернуться на освобожденную родину.

Но тут в России произошла Октябрьская революция, Советы и Германия подписали Брестский мир. И вот чешские добровольцы, организованные и дисциплинированные, страстно желающие вступить в бой, оказались в самом сердце бескрайней России, погруженной в пучину Гражданской войны, к которой чехи не имеют никакого отношения. Тогда они принимают решение, почти безумное. Они решали расчистить себе путь, чтобы вернуться на родину.

Прямой путь, с запада, им закрыт. Здесь хозяйничают немцы. Но это не имеет никакого значения. Они захватывают восточное направление. Это значит – Волгу, Урал и всю

Сибирь до Тихого океана, чтобы однажды сесть на какое-нибудь судно. Такой путь растянулся на десятки тысяч километров посреди неизвестности в самом пекле кровавого хаоса. И чехи проделали этот путь. Они брали, одну за одной, станции Транссибирской магистрали и добрались до Владивостока. Построенная два года назад новая ветка присоединилась к самой длинной железной дороге в мире не так давно.

Таким образом, у японцев был необходимый, уникальный по своим возможностям выход к морю, где благодаря ледоколам была возможна круглогодичная навигация. А у чехов была железная дорога, дающая пропитание и жизнь. Японцы и чехи, две силы, великолепно организованные, надежные и эффективные.

Но во всем остальном – беспорядок, несогласованность, беспредел и полный кавардак. В таких выражениях рассказали нам об этом офицеры. Все вызывало у них отвращение. Собрав людей с четырех концов света во имя борьбы с призрачным врагом, но теперь сложившая оружие, эта противоестественная экспедиция представляла собой невероятную смесь. Словно над ней колдовал какой-то безумец.

В состав английских войск входили индийский батальон и французский батальон из частей Тонкина. И это в Сибири, в самый разгар зимы! Наверное, от того, что они находились ближе всего.

Еще были дезертиры и военнопленные из австро-венгерской армии, собранные в отдельный отряд в соответствии с национальностью. Подчинялись они специальному командованию, а именно никакому.

– Вы заметили патрули, когда приехали? – интересовались наши сослуживцы. – Выглядят они неплохо, правда? Ну так вот, они сформированы из представителей двенадцати стран, один солдат от каждой страны. Именно двенадцать. Давайте посчитаем вместе. Соединенные штаты, Франция, Англия, Канада, Новая Зеландия, Австралия, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Сербия и Япония. И, наконец, Россия.

– Но какая именно Россия? – спросили мы. Вот где действительно был кошмар. Во главе иерархического треугольника, в Омске, огромном сибирском городе, находился генерал Колчак, наделенный всеми внешними атрибутами власти. Премьер-министр, правительство, внушительный генеральный штаб, многочисленная свита из высокопоставленных генералов, высших должностных лиц и высшего духовенства старой Святой Руси. Провозглашенный регентом империи, Колчак поклялся уничтожить красных и вернуть трон наследнику царской семьи.

Но в этой империи, европейской части России, имевшей в своем распоряжении истинные ресурсы, как человеческие, так и промышленные, – ее поддерживал цвет нации, – в этой России правили Советы. На территории же Сибири, вне всяких сомнений бескрайней, но малонаселенной, Колчак мог рассчитывать только на несколько деморализованных полков регулярной армии да на несколько батальонов белых офицеров, выполнявших обязанности обычных солдат.

Удалые казаки, находящиеся в бегах, каторжники, сбежавшие благодаря царящему беспорядку, шайка золотоискателей, охотники и бродяги, всегда готовые пожить, – вот из кого состояли другие «войска» Колчака.

В том, что касалось снабжения, все зависело от Транссиба, то есть от чехов, и от порта, а значит, от японцев.

А отряды красных партизан вели свою войну, нескончаемую и жестокую...

Жозеф Кессель. Смутные времена. Владивосток 1918–1919 гг. 2012.

ОБРАЩЕНИЕ БАРАБАШЕВСКОЙ ВОЛОСТНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ К ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЕ

Ноябрь 1918 г.

Сего числа в управу явилась делегация от крестьян Богословского сельского общества с заявлением, что над гражданами с. Богословского японские вооруженные солдаты учиняют насилия в самых грубых действиях.

Со своей стороны управа заявляет, что японские отряды уже однажды делали насилия над гражданами деревень Малютино и Занадворовки, о чем областной управе было донесено в свое время.

Нынешнее заявление о применении японцами грубой силы подтверждается еще и другими действиями японцев, например: требование от волостной управы сведений и справок о числе жителей в волости, количестве земли по категориям и еще разные другие статистические сведения. О том, что ими предпринимается, они ни у кого [разрешения] не спрашивают, а если что им нужно – просто-напросто требуют.

Донося о вышеизложенном, управа просит принять русских граждан под защиту от насилия над ними вооруженных отрядов Японии.

Председатель (подпись). Члены: (подписи).

ГАРФ. Ф. 3476. Оп. 1. Д. 350. Л. 48.

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

ТЕЛЕГРАММА ИЗ СТАВКИ А.В. КОЛЧАКА ОВ ОТКРЫТИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЫ

[Ноябрь 1918 года].

Военная – по трем адресам: Владивосток, ген. Иванову-Ринову, ген. Флугу, копия – полковнику английской службы Блеру – из ставки главковерха.

№ 221/425.

Открытие инструкторской [школы] при содействии ген. Нокса состоится не ранее декабря, а поэтому пока надлежит произвести только все подготовительные работы по вызову офицеров и унтер-офицеров. Тех офицеров, которые уже прибыли во Владивосток, надлежит передать на учет начальнику гарнизона, а списки на них – полковнику английской службы Блеру. Начальником школы будет назначен Генштаба полковник Сахаров, прибывший во Владивосток вместе с ген. Ноксом.

ГАРФ. Ф. 162. Оп. 1. Д. 2. А. 103–105.

Источник: Колчак и интервенция на Дальнем Востоке. 1995.

К.В. Сахаров.

БЕЛАЯ СИБИРЬ: ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА 1918–1920 гг.

[О «школе Нокса». Учебно-инструкторская офицерская школа на Русском острове (так называемая «школа Нокса») была создана приказом адмирала А.В. Колчака от 10 ноября 1918 года].

... В ноябре [1918 г.]... я прибыл во Владивосток, чтобы начать подготовку и провести формирования там, на Дальнем Востоке России. Местом был избран Русский остров. Лежит он в океане, верстах в 15–20 от города, имея сообщение с ним только пароходами, на острове еще до войны были построены казармы, больше, чем на дивизию. При создании во Владивостоке крепости после 1905 года на острове были возведены форты и батареи, прекрасные, построенные по последнему слову техники, укрепления, сам остров, благодаря своему выдвинутому положению, гористому характеру и большому количеству закрытых, глубоких бухт, представлял большие стратегические преимущества. До революции доступ

на остров был обставлен очень большими трудностями, без пропуска коменданта Владивостокской крепости никто не мог попасть туда, въезд иностранцам был воспрещен вовсе. Когда после революции товарищи захватили власть в свои руки и контроль попал в их комитеты – все переменялось. И это сокровище Русской Державы было очень скоро приведено в состояние печального разрушения и упадка. Все огромные здания казарм стояли ограбленные, без окон, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видеть только после революции. На остров ехал и жил на нем всякий, кто хотел, там образовались даже притоны преступников.

Приходилось заниматься исправлением всего разрушенного, наладить снова порядок и охрану Русского острова.

При ремонте и очистке зданий мне много помогли британские офицеры. С присущей им энергией и размахом они более двух месяцев работали без устали над приведением казарм в жилой вид... Должен по правде сказать, что со стороны английского офицерства русские видели много доброго, много искренних дружеских чувств и откровенно благодарного признания великих заслуг России в Мировой войне... И тем обиднее для обеих сторон, и тем невыгоднее – та двойственная политика, которую вел все время их словесный диктатор Ллойд Джордж, этот, как его называли в Сибири, Керенский крупного масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытого смысла, в числе других причин привела в конце концов к гибели на востоке Русского дела, а вместе с ним и много млн. военного груза, который Англия привезла в Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила те услуги и ту работу, которые бескорыстно и рыцарски несли здесь британские офицеры.

Мне удалось собрать для подготовки 500 офицеров и около 800 солдат. Курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Главной целью было – упорным трудом и регулярной казарменной жизнью счистить революционный товарищеский налет, показать на самом деле все преимущества крепкой воинской дисциплины и порядка.

Кроме того, нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основные обязанности младшего офицера, в сущности, не сложны, они требуют только очень отчетливого знания всего, что должен знать солдат, младший офицер обязан уметь быстро решить всякую задачу в поле, быть мастером этого дела, чтобы не растеряться и не промедлить. Вот такого-то мастера в пределах взвода и роты, отчетливого инструктора для подготовки молодых солдат, и надо было сделать в 2–3 месяца.

Была попытка провести это дело на Русском острове и раньше, осенью того же года, но окончилась неудачей. Мой приезд с целью начать то же дело встретил поэтому недоверчивость и даже скрытые улыбки преждевременного сожаления.

Стали прибывать партии офицеров. Редкие из них приезжали в военной форме, большинство в самых разнообразных штатских костюмах, иные почти в лохмотьях, длинноволосые, небритые, с враждебной недоверчивостью взгляда исподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя из-под сдвинутых бровей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.